

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3(13)
2017**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2017

*Технический редактор
С. В. Шумов*

*Перевод
Я. В. Зайчиков*

*Верстка оригинал-макета
С. В. Шумов*

*На 4-й полосе обложки
размещена фотография
Е. Осиповой*

*За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203*

*Адрес электронной почты:
vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 22.09.2017

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 6,5
Тираж 1000 экз.
Заказ № 47/2*

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 36а*

**Редакционная коллегия серии
«Юридические науки»**

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>С. Ж. Айдарбаев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>А. А. Богустов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Груздев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Л. В. Лазарева</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>С. С. Новиков</i>	доктор исторических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>М. Н. Раджабов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

ISSN 2313-6936

Academic journal

BULLETIN

Published since 2014

**3(13)
2017**

OF VLADIMIR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER ALEXANDER
AND NIKOLAY STOLETOVS

«Law science» edition

Founder Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs»

*The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communication July 28, 2014*

ПИ № ФС 77-58743

*The journal is included in RSCI system (Russian Science Citation Index)
powered by elibrary.ru*

The journal is peer-reviewed scientific subscription publication

Subscription Index of Russian press Catalogue «Russian post» – 73656

© Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education «Vladimir
State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs», 2017

Technical editor

S.V. Shumov

Translation

Ya.V. Zajchikov

Lead out of make-up page:

S.V. Shumov

*The photo of E. Osipova
is on the 4th cover page*

*For the correctness
and work ethics
of the information stated
in the articles the authors
are responsible*

Founder address:

*600000, Vladimir,
Gorkogo Str., 87*

Editorial Office address:

*600005, Vladimir,
Studencheskaya Str., 8, 203*

E-mail:

vestnikvlgu.pravo@mail.ru

Tel.: +7 (4922) 47-76-01

Signed for printing 22.09.2017

Format 60×84/8

Conventional printed sheet 12,09

Circulation 1000 copies

Order № 47/2

Printed by

OOO «Publishing company

“Sherlok-press”»

600001, Vladimir,

Studyonaya Gora Str., 36a

Editorial board

of «Law science» edition

R.B. Golovkin – Doctor of Law, professor
(Chief Editor)

M.V. Novikov – PhD (Law), associate professor
(Deputy Chief Editor)

S.J. Aydarbaev – Doctor of Law, professor

V.M. Baranov – Doctor of Law, professor

V.V. Bogatyrev – Doctor of Law, associate professor

A. A. Bogustov – PhD (Law), associate professor

I.D. Borisova – Doctor of Law, professor

N.A. Vlasenko – Doctor of Law, professor

V.V. Gruzdev – Doctor of Law, professor

O.V. Isaenkova – Doctor of Law, professor

A.V. Kudryavcev – Doctor of Law, associate professor

L.V. Lazareva – Doctor of Law, professor

S.S. Novikov – Doctor of History,
associate professor

I.I. Oleynik – Doctor of Law, professor

M.N. Radzhabov – PhD (Law), associate professor

T.A. Tkachuk – Doctor of Law, professor

O.D. Tretjakova – Doctor of Law, associate professor

Y.V. Zaychikov – Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Амелин Николай Максимович, Медкова Вероника Алексеевна <i>Частные города и сообщества граждан как субъекты и объекты собственности и хозяйствования на территории: правовой аспект (на примере частного города-курорта Доброград Ковровского района Владимирской области)</i>	7	Amelin Nikolaj M., Medkova Veronika A. <i>Private Cities and Communities of Citizens as Subjects and Objects of Ownership and Economic Situation in the Territory: legal Aspect (On the Example of the Private City Resort of Dobrograd, Kovrovsky District, Vladimir Region)</i>
Гартфельд Артур Альбертович <i>Правовая охрана воды, воздуха и почвы от загрязнений в досоветской России</i>	11	Garfield Artur A. <i>Legal Protection of Water, Air and Soil from Pollution, in Pre-Soviet Russia</i>
Мамчун Владимир Вячеславович <i>Риск в публичном праве: онтологические основания и формы их отражения</i>	21	Mamchun Vladimir V. <i>Risk in Public Law: Ontological Bases and Forms of Their Reflection</i>
Шумов Пётр Владимирович <i>Правовые ограничения исключительности авторского права: исторический аспект</i>	33	Shumov Petr V. <i>Legal Restrictions on the Exclusion of Copy- right: the Historical Aspect 33</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Стрельцов Роман Сергеевич, Пылаева Александра Сергеевна <i>Правовое регулирование статуса оценщика на современном этапе</i>	37	Strel'czov Roman S., Pylaeva Alexandra S. <i>Legal Regulation of the Status of the Appraiser at the Present Stage</i>
Цветкова Елена Владимировна <i>Некоторые аспекты задержания подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве</i>	43	Czvetkova Elena V. <i>Some Aspect of the Detention of a Suspect in Russian Criminal Proceedings</i>

Шумова Кристина Александровна		Shumova Kristina A.
<i>Ответственность медиатора при осуществлении медиативной процедуры</i>	47	<i>Responsibility of the Mediator in the Implementation of the Medial Procedure</i>
<i>Сведения об авторах</i>	51	<i>Information about authors</i>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 352.075

Амелин Николай Максимович,
Медкова Вероника Алексеевна

ЧАСТНЫЕ ГОРОДА И СООБЩЕСТВА ГРАЖДАН КАК СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ СОБСТВЕННОСТИ И ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНОГО ГОРОДА-КУРОРТА ДОБРОГРАД КОВРОВСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматриваются субъекты и объекты муниципальной собственности и хозяйствования на примере частного города-курорта Доброград Ковровского района Владимирской области.

Ключевые слова: муниципальная собственность, частный город, хозяйствующий субъект, государственно-частное партнерство.

Amelin Nikolaj M.,
Medkova Veronika A.

PRIVATE CITIES AND COMMUNITIES OF CITIZENS AS SUBJECTS AND OBJECTS OF OWNERSHIP AND ECONOMIC SITUATION IN THE TERRITORY: LEGAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE PRIVATE CITY RESORT OF DOBROGRAD, KOVROVSKY DISTRICT, VLADIMIR REGION)

Abstract. The article examines the subjects and objects of municipal property and management on the example of a private city-resort of Dobrograd, Kovrovsky district of the Vladimir region.

Key words: municipal property, private city, economic entity, public-private partnership.

Понятие «частный город» отсутствует в законодательстве России. В соответствии со ст. 212 ГК РФ в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Субъектами права собственности признаны: Российская Федерация; субъекты РФ; муниципальные образования; граждане; юридические лица.

Государственные интересы, подкрепленные инициативой частных инвесторов, требуют быстрого правового урегулирования указанного пробле-

ла в отечественном законодательстве. Сегодня законодательно утверждено, что экономическую базу местного самоуправления составляет муниципальная собственность, которая является основой местного хозяйства. Распоряжение и управление муниципальной собственностью осуществляют от имени населения административно-территориальных единиц соответствующие советы народных депутатов и уполномоченные ими органы местного самоуправления. Остаётся до конца не выяснено, кто тот первичный субъект, которому принадлежит муниципальная

собственность: Совет или население муниципальных образований? В комментариях к ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131 сказано, что ч. 1 ст. 51 закрепляет право органов местного самоуправления от имени муниципального образования самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальным имуществом¹. Подобное право также закреплено в Гражданском кодексе РФ (ст. 215).

Несколько иначе данное право отражено в ст. 132 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления только управляют муниципальной собственностью, т.е. владеют муниципальной собственностью не органы местного самоуправления, а население муниципального образования.

Сегодня теоретически и практически очевидно, что социальную основу местного самоуправления составляют территориальные общности населения (территориальные коллективы), которые непосредственно или через создаваемые ими органы осуществляют управление местными делами. Еще более конкретнее высказывался И. Ильинский, отмечая, что граждане сел, поселков, городов, городских районов и микрорайонов, сельских районов... являются первичными субъектами местного самоуправления². Соглашаясь в главном с этим мнением, полагаем, что совершенно необходима дальнейшая теоретическая проработка и конкретизация вопроса с точки зрения хозяйствования и собственности.

¹ Подсумкова А.А., Чаннов С.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». М., 2003. С. 281.

² Ильинский И. П. На пороге обновления // Советы нар. депутатов. 1989. № 6. С. 39.

Проблемы отсутствия или наличия хозяина собственности и создания материально-технической базы местного самоуправления не новы³. Уже в первые дни существования Советского государства эти вопросы были в центре внимания науки и практики. В последние годы жизни В. И. Ленина предпринималось много для того, чтобы определить подлинного хозяйствующего субъекта на соответствующей территории, а как следствие, этого рационального управления экономикой.

Сегодня на первый взгляд в правовом аспекте проблема отсутствия хозяйствующего субъекта на территории низовых муниципальных образований решена. Однако на практике возникает ряд трудностей в реализации гражданско-правовых норм. Фактически, как и на протяжении последних 25 лет, государство остается монопольным собственником, который сосредоточил основные функции управления экономикой в своих руках, что привело к отчуждению трудовых коллективов и низовых территориальных органов власти от муниципальной собственности и ограничило их распорядительные функции.

Муниципальные органы власти всех уровней юридически выступают собственниками на соответствующих территориях. В то же время мало законодательно провозгласить низовые муниципальные образования всех уровней хозяевами на территории, необходимо наполнить это право конкретным содержанием.

³ Амелин Н. М. Местные советы народных депутатов в системе территориального самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Амелин Николай Максимович. М., 1991. С. 79.

По нашему мнению, частные города, такие как город-курорт Доброград, расположенный в Ковровском районе Владимирской области и могут выступать одновременно и как субъекты, и как объекты собственности и хозяйствования на соответствующей территории и являться в качестве стороны в правовых отношениях с государственными органами власти.

Доброград был основан в 2012 г. В. М. Седовым – бизнесменом и меценатом, президентом группы компаний «Аскона». Это первый в России город-курорт, который строится на частные инвестиции. С правовой точки зрения понятие «частный город» не раскрывается и не подходит ни под одно из используемых в ст. 2 ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131 терминов и понятий.

Однако в связи с тем, что его часто используют и в правотворческой и правоприменительной деятельности, крайне важно дать его определение.

По нашему мнению, частный город – это максимально автономное городское поселение, в котором местное самоуправление осуществляет частная компания совместно с выборными и иными органами местного самоуправления. Такой город полностью подчиняется федеральным законом России, вводя дополнительные правила для поддержания на его территории порядка и высокого уровня комфорта проживания.

Как известно, право оперативного управления производно от права собственности и зависит от него, тем самым государство на уровне области в лице представительного органа власти и муниципальные органы как собственники на соответствующей территории определяют грани-

цы права оперативного управления. «Искусство управления экономикой в современных условиях состоит, прежде всего, в точном определении необходимого соотношения между ролью государства и частной инициативой», – писал В. В. Путин в одной из своих статей, посвященных задачам в области экономики. Механизмы государственно-частного и муниципально-частного партнерства становятся основополагающими инструментами развития региональной и муниципальной инфраструктуры, привлечения частных инвестиций, повышения качества оказываемых услуг населению¹.

Государственно-частное партнерство как институт достаточно давно и прочно зарекомендовал себя в зарубежных странах. Указанный институт позволяет осуществлять совместные государственно-частные инвестиционные проекты, построенные на консолидации всех видов ресурсов и распределении рисков, направленные на удовлетворение публичных интересов². Например, в результате реализации плана мероприятий, предусмотренных постановлением администрации Владимирской области от 9 февраля 2017 г. № 85, будет введено в эксплуатацию за 2017–2019 г. 200 тыс. кв. м жилья в д. Горожилово Ковровского района Владимирской области в рамках реализации

¹ Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». М., 2016. 32 с.

² Попов Р. М. К вопросу о реализации проектов публично-частного партнерства в рамках нового закона // Гражданин и право. 2016. № 5. С. 82–87.

проекта «Доброград»¹. Что значитель-

¹ Об утверждении Плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года на 2017–2019 годы, внесении изменений в приложение к постановлению администрации Владимирской области от 30 дек. 2015 г. № 1330 и признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов области : постановление Администрации Владим. обл. от 9 февр. 2017 г. № 85 // Владим. ведомости. 2017. 18 февр.

Библиографический список

1. Амелин Н. М. Местные советы народных депутатов в системе территориального самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Амелин Николай Максимович. – М., 1991. – 151 с.
2. Ильинский И. П. На пороге обновления / И. П. Ильинский // Советы нар. депутатов. – 1989. – № 6. – С. 39–46.
3. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». М. : Асоц. «Центр развития ГЧП», 2016. – 32 с.
4. Об утверждении Плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года на 2017–2019 годы, внесении изменений в приложение к постановлению администрации Владимирской области от 30 дек. 2015 г. № 1330 и признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов области : постановление Администрации Владим. обл. от 9 февр. 2017 г. № 85 // Владим. ведомости. 2017. 18 февр.
5. Подсумкова А. А. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / А. А. Подсумкова, С. Е. Чаннов. – М. : Ось-89, 2003. – 281 с.
5. Попов Р. М. К вопросу о реализации проектов публично-частного партнерства в рамках нового закона / Р. М. Попов // Гражданин и право. – 2016. – № 5. – С. 82–87.

но больше, чем сдаётся нового жилья в целом в Ковровском районе за 10 лет.

Проведенное исследование показало, что в России возникла уникальная форма территориально-общественного самоуправления, такая как «частные города». Сделан первый шаг по правовому изучению указанного явления. Российским законодателям в ближайшее время предстоит внести существенные поправки в основы и принципы местного самоуправления.

References

1. Amelin N. M. Local Councils of People's Deputies in the System of Territorial Self-government. M., 1991. 151 p.
2. Il'inskij I. P. On the Verge of Renewal. Soviety' Narodny'kh Deputatov. 1989. No. 6. P. 39–46.
3. Research "Public-Private Partnership in Russia 2016–2017: Current Status and Trends, Ranking Regions". M., Associaciya "Centr Razvitiya GChP, 2016. 32 pp.
4. Decree of the Administration of the Vladimir region of Febr. 9, 2017 No. 85. Vladimirskie Vedomosti. 2017. Febr. 18.
5. Podsumkova A. A., Channov S. E. Commentary on the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". M., 2003. P. 281.
6. Popov R. M. On the Issue of the Implementation of Public-private Partnership Projects under the New Law. Gosudarstvo i Pravo. 2016. No. 5. P. 82–87.

Гартфельд Артур Альбертович

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВОДЫ, ВОЗДУХА И ПОЧВЫ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЙ В ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу юридических норм об охране воды, воздуха и почвы от загрязнений в досоветский период. Автор рассматривает Российское законодательство и региональные правовые акты по восстановлению экологического баланса, включая восстановление санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды.

Ключевые слова: правовая охрана воды, воздуха и почвы, санитарные и эпидемиологические нормы, наказание, штрафные санкции.

Garfield Artur A.

LEGAL PROTECTION OF WATER, AIR AND SOIL FROM POLLUTION, IN PRE-SOVIET RUSSIA

Abstract. The article analyzes the legal norms on the protection of water, air and soil in Pre-Soviet Russia. Autor considers of the Russian legislation and regional legal acts on revolt of ecological balance, including restoration of sanitary and epidemiologic and (or) sanitary and hygienic standards of drinking selenium of the country of drinking water.

Key words: Riot world, legal protection of water, air and soil, sanitary and epidemiological norms, punishment, straw sanctions.

Загрязнение атмосферы, почв и водоемов связано с причинением существенного вреда природе, народному хозяйству и здоровью людей. Общественные отношения по охране водного и воздушного бассейнов как природных условий жизнедеятельности и здоровья людей (отношения экологической безопасности), функционирования и развития сельского хозяйства, их правовое обеспечение всегда имели важное значение в жизни общества и государства.

Россия и ее Европейский Север, в частности, в конце XIX – начале XX в.в. не были благополучными в санитарном отношении. Об этом свидетельствуют показатели общей смертности населения и число умерших от остро-

заразных болезней животных. От оспы, скарлатины, дифтерии, кори, коклюша и тифа в России ежегодно умирало 500 тыс. чел. (на каждые 100 тыс. – 528 чел.). К примеру, в Италии, Германии, Англии, Норвегии, Испании, Румынии, Шотландии, Бельгии, Австрии эти цифры были несколько меньше: 140–150 тыс. чел.¹ Общая высокая смертность – показатель антисанитарного состояния.

В 1857 г. в России был принят Врачебный устав². Согласно ст. 867 этого Устава полиция и городские общественные управления обязаны бы-

¹ Материалы по вопросу о новом законопроекте МВД о мерах санитарной охраны воздуха, воды и почвы. URL: <http://www.prilib.ru/item/681551> (дата обращения: 28.08.2017).

² Свод Законов Российской империи. Спб., 1857. Т. XIII.

ли наблюдать за тем, чтобы «в городах и селениях реки и источники ничем не были засоряемы. Колодези также должны быть надлежащим образом чищены... не засоряемы и везде огорожены». За засорение рек, каналов, источников или колодцев бросанием в них камней, песку и т.п. веществ, а равно за неисполнение обязанности чистить колодцы и содержать их в исправности, виновные подвергались денежному взысканию до 10 руб. За проведение подземных труб от помоечных ям, заводов, отхожих мест в городские трубы, виновные подвергались взысканию до 100 руб. При проведении таких труб в реки или каналы виновные подвергались такому же взысканию вдвое.

За порчу воды, служащей для употребления людей в пищу или для водопоя, мочения льна, бросанием, выливанием в нее веществ, делающих ее непригодной для употребления, или иным способом без умысла нанесенный вред общественному здравью, виновные подвергались аресту до одного месяца или денежному взысканию не свыше 100 руб. Если от этого вода становилась вредной для здоровья людей, то виновные подвергались аресту не свыше 3 мес. или денежному взысканию не свыше 300 руб.

Статья 103 Городового положения, принятого 16 июня 1870 г. гласила:

Городской Думе предоставляется о следующих предметах городского благоустройства издавать, порядком ниже указанным, обязательные для городских жителей постановления, с тем, чтобы эти постановления ни в чем не противоречили существующим законам; именно:

а) о порядке содержания в исправности и чистоте улиц, площадей, мосто-

вых, тротуаров, мостов и гатей, а также сточных труб, каналов, прудов, колодцев, канав и естественных протоков, не исключая и тех, которые находятся на землях, принадлежащих частным лицам, учреждениям и ведомствам;

б) о мерах к охранению целости и чистоты и к ограждению от повреждений принадлежащих городу общественных сооружений и памятников, а равно садов, бульваров и других общественных мест;

в) об устройстве пристаней, переправ и перевозов, а также железноконных и иных усовершенствованных путей, о порядке их содержания и пользования ими, о производстве извозного промысла, о городских омнибусах и других общественных экипажах;

г) о чистке дворов, об устройстве и чистке помойных ям и отхожих мест;

д) об устройстве и порядке содержания боен и пользования ими;

е) о мерах к соблюдению чистоты в помещениях для продажи съестных припасов и напитков и к обеспечению безвредности оных;

ж) о мерах предосторожности против порчи воды;

з) о внутреннем распорядке на ярмарках, рынках и базарах;

и) об устройстве кровель и об устройстве, чистке и осмотре дымовых труб и печей, и вообще о мерах предосторожности против пожаров;

й) о местах, где не допускаются склады дров, сена, соломы, масла, спирта и других легко воспламеняющихся веществ, и о порядке хранения этих веществ;

к) о мерах предупреждения и прекращения заразительных, повальных и местных болезней, а равно скотских падежей;

л) о принятии, для охранения благочиния и порядка в публичных местах, мер, сопряженных с расходами или ограничениями в производстве торговли и промыслов¹. Таким образом забота об охране чистоты воды, воздуха и почвы возлагалась государством на городские общественные управления и земские учреждения.

Законопроект «О санитарной охране воздуха, воды и почвы», помимо прочего, регулировал вопросы санитарной охраны воды. Согласно ст. 4 законопроекта «в каждом городе и селении должна быть обеспечена наличием хорошей питьевой воды в количестве, достаточном для нужд жителей». Хорошей питьевой водой признавалась вода, которая: а) чиста, не имеет запаха или неприятного вкуса и в тонком слое бесцветна; б) не содержит болезнетворных бактерий и других возбудителей болезни и вредных для здоровья веществ.

Без предварительного разрешения учреждений санитарного контроля воспрещалось устройство водоснабжения, колодцев и канализации, подземных и надземных стоков, выгребов, ям и свалок; причем городскому общественному управлению, земскому учреждению предоставлялось право воспрещать в округе санитарной охраны постройку фабрик и заводов, «могущих по характеру своему вредно отражаться на питьевых источниках» (ст. 11).

Статьей 21 воспрещалось спускать в реки, пруды, озера сточные воды и всякого рода жидкие отбросы, по составу своему не удовлетворявшие общим нормам. Воспрещался вывоз всякого рода нечистот, уличного и до-

машнего мусора в реки, пруды и озера, равно как на берега этих водоемов или покрывающую их ледяную поверхность. Не дозволялось также употребление навоза в качестве строительного материала при устройстве плотин; мочение льна и конопли в воде, служащей для питья или водопоя (ст. 22).

Статья 24 законопроекта вменяла в обязанность городским и земским управлениям в целях охранения почвы и воздуха в населенных местах: организовывать удаление нечистот и других отбросов из населенных мест; принимать меры по охране воздуха от загрязнения зловонными и вредными газами, дымом и пылью; составлять обязательные постановления, направленные на охрану почвы и воздуха от всякого рода загрязнений.

«Городские общественные управления при осуществлении возложенных на них задач вправе:

а) производить осмотры дворового расположения, водопроводных и канализационных устройств всех недвижимых имуществ как в черте города или селения, так и в подлежащих местностях вне этой черты;

б) производить взыскания в вышеуказанных местностях за допущенные нарушения;

в) производить перенос подземных и надземных сооружений в пределах города или селения в местах общественного пользования с уведомлением о сем надлежащих учреждений и лиц с возмещением... убытков, причиненных... имуществу частных владений;

г) возбуждать судебное преследование и обличать владельцев или управляющих недвижимым имуществом, виновных в нарушении возложенных на них Положением обязанностей».

¹ URL: <https://diletant.media/articles/38496989/> (дата обращения: 02.09.2017).

Города России делились: «на города, имеющие один тип водоснабжения и на города с разнородными источниками водоснабжения. Статистические данные на 1.01.1911 г. показывают, что только 315 населенных пунктов из 1 063 имели один источник водоснабжения, что составляет 29,6 %. Остальные 748 пунктов (70,4 %) удовлетворяли свои потребности в питьевой воде из разных источников вследствие недоступности, трудности, дороговизны доставки воды из лучшего источника или недостаточности воды. Все это, несомненно, отражалось на здоровье населения»¹.

Наиболее частыми источниками водоснабжения служили обыкновенные колодцы (в 792 населенных пунктах). В 647 пунктах источником служили реки; в 232 – родники, ключи; артезианские колодцы – в 190 и абиссинские колодцы – в 96 пунктах. Чистой и удовлетворительной вода была признана в 513 населенных пунктах; посредственной – в 236 пунктах, с неудовлетворительной и загрязненной водой – в 306 пунктах. Химико-бактериологические исследования воды были проведены только по 111 населенным пунктам, что составляло 10,4 %.

Среди основных источников загрязнения воды по 367 населенным пунктам назывались: домовые отбросы; сточные воды с фабрик, заводов и других промышленных заведений; сточные уличные воды; поглощающие колодцы; стоянка судов и сплав леса².

Положение с сельскохозяйственной продукцией требовало от правительства

настоятельных мер для осуществления более рационального скотоводства, в частности для борьбы со смертностью домашних животных. Принятые ранее законоположения, например, разд. VII Устава врачебного, регулировавшие меры предохранения животных от заболеваний, уже не отвечали требованиям времени. «По сведениям МВД, от чумы погибло рогатого скота в одной лишь европейской части России с 1870 по 1874 годы – 182 400 голов, с 1880 по 1884 гг. – 222 000, с 1885 по 1889 гг. – 141 400, а с 1890 по 1894 гг. – 188 200 голов. Сказанное свидетельствовало о настоятельной потребности совершенствования в России санитарного надзора»³.

12 июня 1902 г. был утвержден проект нового ветеринарно-санитарного закона «О мерах по предупреждению и прекращению заразительных и повальных болезней на животных и по обезвреживанию сырых животных продуктов»⁴.

Принятый закон устанавливал целый ряд рациональных мер (гл. V), направленных на предупреждение и прекращение заразных или повальных болезней животных, предписывал (ст. 29), чтобы эти меры принимались «без согласия на то владельцев животных» местными исполнительными органами (ст. 42), губернской администрацией (ст. 43) или органами МВД (ст. 44 и 45) согласно предписаниям принятого закона.

Вторым важным обязательством для скотовладельцев являлось то, что в случаях появления у животных признаков болезни, внезапного падежа или подозрительных заболеваний, они

¹ Молчанов Б. А. Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVIII – начала XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. С. 130.

² Там же.

³ Там же. С. 120.

⁴ Филатов Ф. Ф. Новый ветеринарно-санитарный закон. Вильно, 1903.

обязаны были незамедлительно сообщить об этом в органы полиции или ветеринарному врачу (ст. 52.3).

На владельцев скота возлагалось точное соблюдение всех обязательных ветеринарных, санитарных мер (ст. 48), очищение в пределах частных имений зараженных помещений, дворов или участков, уборка трупов павших или убитых животных, а также отвод мест для зарывания или сжигания трупов, как и для отдельного содержания больных животных.

Наряду с этим, закон предоставил право скотовладельцам при своевременном заявлении о заболевании или падеже получать денежные вознаграждения за истребление в ветеринарно-санитарных целях оборудования, за убитых или павших вследствие прививок животных по оценке (ст. 70–79).

Предупреждение и прекращение заразных и повальных болезней законом возлагалось на ветеринарных врачей. Согласно данному закону ветеринарные врачи были обязаны о каждом известном им случае появления несомненных или подозрительных заболеваний немедленно известить того ветеринарного врача, которому подведомственна местность, где появилось заболевание, или же ближайшего чина местной общей или сельской полиции.

Ветеринарно-санитарный закон вменял в обязанность городским и губернским ветеринарным инспекторам исполнять распоряжения губернаторов по наблюдению за точным исполнением установленных законом правил, обязательных постановлений и распоряжений по предупреждению и прекращению заразных и повальных болезней животных, обезвреживанию сырых животных продуктов, местный общий надзор по ве-

теринарной части и руководство мероприятиями против эпизоотий.

Кроме того, этим законом вводился особый порядок контроля – создание исполнительской ветеринарной комиссии, которая была обязана (ст. 60) выяснять пределы местности, подлежащей признанию неблагополучной, делать оценки зараженных предметов и подлежащих уничтожению или прививке животных. Она не являлась постоянным органом, а собиралась уездной земской управой, а при ее отсутствии – уездной полицией (ст. 21, 22) безотлагательно вслед за получением от ветеринарных врачей сообщений о появлении в какой-либо местности заразной или повальной болезни (ст. 57).

Принятые ветеринарно-санитарные правила распространялись на содержание всех домашних животных, а также диких, которые содержались, при этом учитывалось назначение животных, степень представляемой ими опасности при распространении болезней (ст. 2). К мерам прекращения и предупреждения болезней, относились: убивание животных, прививки, обязательное лечение и ветеринарные карантинные мероприятия.

Животные, независимо от их назначения, подлежали обязательному уничтожению в местах обнаружения болезни в случае заболевания чумой рогатого скота, сапом, бешенством, туберкулезом, повальным воспалением легких, сибирской язвой, чумой свиней и ящуром.

При появлении болезней требовалось устанавливать карантинные меры: воспрещение общей пастбы скота, перемена пастбищ, обязательное клеймение и регистрация животных, воспрещение или же допущение только

в обезвреженном виде продуктов, получаемых от животных больных или подозрительных по заболеванию, дозволение к убиванию животных не иначе как ветеринарным надзором; воспрещение вывоза из неблагополучных поселений животных продуктов, сена, соломы и др.; уничтожение туш с признаками болезней, а также уничтожение и обезвреживание зараженных трупов, предметов и помещений.

«Ответственность за очищение зараженных дворов или участков, уборка и уничтожение трупов, заразных или негодных туш возлагалась в городах на городские общественные управления, а в селениях – на сельские общества, владельцев животных. На эти же учреждения возлагался отвод мест для закапывания и сожжения навоза, трупов и отбросов, для отдельного содержания больных животных (ст. 48). Это должны быть места вне линий железных дорог и паромных сообщений»¹.

В целях изучения эффективности правоприменительной практики в борьбе с антисанитарией и заразными болезнями для примера обратимся к деятельности Владимирского земства в области охраны водных ресурсов в конце XIX – начале XX в. «В пореформенный период (в конце XIX – начале XX века) Владимирская губерния, наряду с Московской, Санкт-Петербургской, Нижегородской и некоторыми другими относилась к району развитой промышленности, занимая третье место в стране по объемам производства»².

По мере того, как развитие промышленности набирало высокие темпы, все чаще вставал вопрос о защите водных ресурсов: предприятия широко использовали речную систему для производственных процессов и спуска отработанных сточных вод. Губернская пресса сообщала красноречивые, а порой и курьезные факты о состоянии экологии водных пространств. Так, по сведениям корреспондентов «Владимирской газеты», жители промышленного центра Иваново-Вознесенска не решались выпить стакан чая, не собрав предварительно ложечкой всплывшие на поверхность масла³, а один сметливый предприниматель даже установил на реке загородку для ловли нефти и тут же на берегу в шалаше перерабатывал ее в колесную мазь⁴.

Сложившаяся ситуация послужила для Владимирского общества любителей естествознания поводом для проведения образцового исследования рек губернии, которое было предпринято в 1903 г. Результаты анализа показали, что из семи исследованных рек Владимирской губернии только в одной (р. Колпь) вода была пригодна для питья – не «ситцевая и нефтяная», другие же сильно пострадали от прилегающих к ним фабрик⁵.

В 1892 и 1893 гг. Владимирским губернским земским собранием были составлены «Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии» (далее: санитарные постановления),

¹ Молчанов Б. А. Указ. соч. С. 135.

² Бауэр А. А. Владимирский край. Естественно-исторический и культурно-экономический очерк состояния Владимирской губернии в середине второго десятилетия XX века. Владимир, 1927. С. 103.

³ Дубровский Н. И. К вопросу о загрязнении владимирских рек // Тр. Владим. о-ва любителей естествознания. Владимир, 1904. Т. II. Вып. II. С. 16.

⁴ Владим. газ. 1903. № 138. С. 3.

⁵ Дубровский Н. И. Указ. соч.

включавшие семь разделов, где значительное внимание было отведено защите водных ресурсов¹. Так, производить различные хозяйственные работы (мочение деревянных обручей, бочек, полоскание белья) разрешалось только ниже тех мест, которые использовались жителями в качестве источников питьевой воды и для водопоя скота. Мочение конопли, льна, мочала, промывание шкур в водоемах, используемых для питья, было запрещено. Для данной деятельности предписывалось устраивать специальные ямы за чертой селений. Не допускалась свалка сора, навоза и палых животных, сток грязных вод и нечистот по берегам рек, ручьев, прудов, озер и оврагов.

Часть V санитарных постановлений регламентировала использование водных ресурсов фабрично-заводскими предприятиями. Промышленные заведения губернии широко пользовались речной водой для производственных процессов и спуска отработанных сточных вод в неочищенном виде обратно в реки. Спуски грязных вод, химических продуктов и вредных отходов производства в реки, ручьи, пруды, из которых население пользовалось водой, не допускались. Промывные воды, спускаемые в низины, овраги и болота, также должны быть предварительно обезврежены².

Принятые постановления страдали существенным недостатком: предписывая устранение вреда от загрязнений, правила не давали никаких конкретных указаний для практического выполнения этих требований.

Например, § 49 санитарных постановлений гласил: «Спуск промывных грязных вод с фабрик и заводов в реки, ручьи и другие водохранилища, из которых население пользуется водой, не допускается». Такое запрещение, однако, дополнялось компромиссной формулировкой: «В тех случаях, когда условия местности или какие-либо другие вполне уважительные причины препятствуют немедленному уничтожению означенных спусков, они могут быть разрешаемы на известный срок в каждом данном случае, при условии возможно лучшего обезвреживания и обесцвечивания или на полях орошения или посредством особых бассейнов, фильтров и химических способов при устройстве и содержании за счет фабрикантов достаточного числа колодцев для пользования населения»³. Подобная редакция не давала твердого основания для решения вопросов об охране водоемов и создавала трудности для надзора.

Отсутствие надежной системы контроля усиливалось и мягкостью наказания. Так, за порчу воды в местах, где ее использовали жители, мочением льна или конопли, сваливанием или выливанием нечистот, вредных веществ виновные подвергались, согласно ст. 111 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями аресту до 7 дней или денежному взысканию не свыше 25 руб.⁴

Однако санитарные постановления были изданы лишь в апреле 1909 г. Причиной этого стало элементарное невнимание земских управ

¹ Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии. Владимир, 1909. 12 с.

² Там же.

³ ГАВО. Ф. 379. Оп.1. Д. 936. Л. 20.

⁴ См., напр.: Санитарное исследование фабричных заведений Вязниковского уезда. Владимир-на-Клязьме, 1884. 126 с.

к «второстепенному вопросу». Лишь настойчивый циркуляр губернатора, предложивший земской управе «озаботиться скорейшим внесением» в губернское собрание проекта постановлений ввиду приближающейся холерной эпидемии заставил депутатов ускорить эту работу.

Природоохранная деятельность земства заметно оживилась с введением в 1898 г. института уездных санитарных врачей, задачами которых стали предупреждение и борьба с эпидемическими болезнями, изучение всех влияний среды, подрывающих здоровье человека. Например, санитарный врач по мере своих возможностей должен был исследовать воду и источники водоснабжения. Однако не располагая необходимой системой контроля, санитарные врачи часто были бессильны в борьбе с многочисленными нарушениями. Так, в своем отчете за 1911 г. санитарный врач Владимирского губернского земства по Муромскому уезду В. М. Арцимович скептически отмечал: «Изучение крахмального производства... и некоторое знакомство с вопросом об очистке сточных вод не позволяет надеяться, что... работа в данном направлении принесет заметные результаты. Санитарные постановления нуждаются в дополнениях и изменениях»¹.

Следует отметить, что российское законодательство об охране водных ресурсов в изучаемый период формировалось как составляющая системы мер по охране здравоохранения. В связи с этим среди комплекса мероприятий в области охраны водных ресурсов следует прежде всего назвать работу санитарной комиссии Владимирской

¹ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д.1075. Л. 2 об.

губернии, где находились многочисленные медико-топографические описания отдельных селений и уездов, включавшие и первые научные исследования качества воды².

Особняком стоит работа санитарного врача С. В. Любимского, предпринявшего первые описания фабричных заведений некоторых уездов губернии³. Выводы автора о нарушении санитарных норм и спуске отработанных вод в водоемы послужили стимулом для более основательного изучения состояния водоснабжения, уровня загрязнения естественных водных ресурсов отбросами фабрик.

Одним из важнейших направлений природоохранной деятельности земских организаций губернии стало издание санитарных постановлений. Губернское земское собрание имело право составлять обязательные для населения губернии постановления «о порядке содержания в чистоте площадей, улиц, сточных труб, прудов, колодцев, канав, протоков, мостов, о чистоте дворов, об устройстве и порядке содержания в санитарном отношении боен, фабричных, заводских и др. промышленных заведений...о мерах предосторожности против порчи воды...»⁴. В целом эти правила были направлены на защиту от загрязнений воздуха,

² См., напр.: Результаты исследования тех селений, где наблюдалась убыль населения // Доклады санитарной комиссии, состоявшей при Владимирской губернской земской управе, очередному губернскому земскому собранию XXVII сессии. Владимир, 1892. С. 75–97.

³ См., напр.: Санитарное исследование фабричных заведений Вязниковского уезда.

⁴ Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. Владимир-на-Клязьме. 1910. Январь. С. 12.

почвы и воды и утверждались губернатором.

В общих чертах новые постановления дублировались, хотя сфера их применения несколько расширялась. Так, отдельная часть постановлений касалась правил содержания картофелетерочных заведений, которые ощутимо загрязняли реки в Меленковском, Судогодском и Муромском уездах. Так, в Меленковском уезде, где находилось около 50 такого рода предприятий, вода в реках представляла собой жидкость шоколадного цвета¹.

Согласно новым правилам все промывные, отстойные воды с производства не должны были попадать в естественные водоемы. Кожуру, шелуху и прочие отходы производства предписывалось собирать в непроницаемые ямы и по окончании сезона картофелетерочное заведение и окружающая его местность должны были быть тщательно очищены.

Формально, наблюдение за исполнением изданных постановлений возлагалось на санитарных попечителей, избираемых уездными земскими управами. Однако проведение в жизнь этих необходимых мер почти никем не контролировалось и в большинстве случаев благие намерения оставались

только на бумаге². На деле же институт участковых попечителей так и не был создан.

В сложившейся ситуации в ноябре 1903 г. ковровское уездное земское собрание, обращая внимание на «грязные воды рек Уводи и Клязьмы, неблагоприятно влиявшие на луговую растительность», было вынуждено вновь ходатайствовать перед губернским собранием об учреждении института участковых попечителей. Однако «насколько этого легко пожелать, настолько же трудно выполнить». Причиной тому были отсутствие финансовых средств и кадровый голод³.

Таким образом, за рассматриваемый период в России нарушался экологический баланс, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды, вне нормативного правового регулирования и надзора, ограждающих народное здоровье и существенное снижение нагрузки на окружающую природную среду. Общероссийский закон о защите водоемов так и не был принят ни в конце XIX, ни в начале XX в. Забота об охране водных фондов была возложена на ведомства местного самоуправления.

¹ Дубровский Н. И. Указ. соч.

² Приложение к журналам очередного Владимирского губернского земского собрания 1904 года. Владимир-на-Клязьме. 1905. 55 с.

³ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 800. Л. 2, 23, 32.

Библиографический список

1. Бауэр А. А. Владимирский край. Естественно-исторический и культурно-экономический очерк состояния Владимирской губернии в середине второго десятилетия XX в. / А. А. Бауэр. – Владимир : Гос. изд-во, 1921 с. – 138 с.

References

1. Baue'r A. A. Vladimir Region. The Natural-historical and Cultural-economic Sketch of the State of the Vladimir Province in the Middle of the Second Decade of the 20th Century. Vladimir, Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1921. 138 p.

2. Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. – Владимир-на-Клязьме : Типография губерн. правления, 1910. – Январь. – 53 с.
3. Врачебный устав // Свод Законов Российской империи. – Спб. : Тип. Второго отд-ние Е. И. В. Концелярии, 1857. – Т. XIII. – С. 467–995.
4. Городовое положение. – Режим доступа: www.hrono.ru/dokum/1800dok/18700616.php.
5. *Дубровский Н. И.* К вопросу о загрязнении владимирских рек / Н. И. Дубровский // Тр. Владим. о-ва любителей естествознания. – Владимир : Типо-литография губерн. зем. управы. – Т. II, вып. II, 1904. С. 16.
6. Материалы по вопросу о новом законопроекте МВД о мерах санитарной охраны воздуха, воды и почвы. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/681551>.
7. *Молчанов Б. А.* Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVIII – начала XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук / Молчанов Борис Алексеевич. – Саратов, 2002. – 301 с.
8. Обязательные санитарные постановления для уездного населения владимирской губернии. – Владимир : Типо-литография губерн. зем. управы, 1909. – 12 с.
9. Приложение к журналам очередного Владимирского губернского земского собрания 1904 года. – Владимир-на-Клязьме, 1905. – 55 с.
10. Результаты исследования тех селений, где наблюдалась убыль населения // Доклады санитарной комиссии, состоявшей при Владимирской губернской земской управе, очередному губернскому земскому собранию XXVII сессии. – Владимир : Типо-литография губерн. зем. управы, 1892. – С. 75–97.
11. Санитарное исследование фабричных заведений Вязниковского уезда. – Владимир-на-Клязьме : Типография губерн. правления, 1884. – 126 с.
12. *Филатов Ф. Ф.* Новый ветеринарно-санитарный закон / Ф. Ф. Филатов. – Вильна : Губ. тип., 1903. – 17 с.
2. Medical and Sanitary Chronicle of Vladimir Province. Vladimir, Tipo-litografija Gubernskoj Zemskoj Upravy', 1910, Jan. 53 p.
3. Medical Statute: *Code of Laws of the Russian Empire*. Spb., Tipografija Vtorogo Otdeleniya E. I. V. Kancelyarii, 1857. Vol. XIII. P. 467–955.
4. Urban Position. URL: www.hrono.ru/dokum/1800dok/18700616.php.
5. *Dubrovskij N. I.* The Question of the Pollution of Rivers Vladimir. *Proceedings of the Vladimir Society of Lovers of Natural Science*. Vladimir, Tipo-litografija Gubernskoj' Zemskoj Upravy', 1904. Vol. II, iss II. P. 10–27.
6. Materials on the New Draft Law of the Ministry of Internal Affairs on Sanitary Protection of Air, Water and Soil. URL: <https://www.prilib.ru/item/681551>.
7. *Molchanov B. A.* Legislation on nature protection in the European North of Russia XVIII – early XX centuries. Saratov, 2002. 301 p.
8. Mandatory Sanitary Provisions for the County Population of the Vladimir Province. Vladimir, Tipo-litografija Gubernskoj' Zemskoj Upravy', 1909. 12 p.
9. Appendix to the Magazines of the Next Vladimir Provincial Zemstvo Meeting of 1904. Vladimir- na-Klaz'me, 1905. 55 p.
10. The Results of the Study of Those Villages where There Was a Decline in the Population. *Reports of the Sanitary Commission, Held at the Vladimir Provincial Zemstvo Council, the Regular Provincial Zemstvo Assembly XXVII Session*. Vladimir-na-Klaz'me, Tipo-litografija Gubernskoj Zemskoj Upravy', 1892. . 75–97.
11. Sanitary Research of Factory Establishments of Vyaznikovsky District. Vladimir-na-Klyaz'me, Tipo-litografija Gubernskoj Zemskoj Upravy', 1884. 126 p.
12. *Filatov F. F.* New Animal Health Law. Vilna, Gubernskaya Tipografija, 1903. 17 p.

Мамчун Владимир Вячеславович

**РИСК В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ФОРМЫ ИХ ОТРАЖЕНИЯ**

Аннотация. Статья открывает авторский цикл публикаций, посвященных риску в публичном праве. В ней рассматриваются риски как социальные факты, выступающие основанием публично-правового регулирования, а также формы их отражения в публичном праве, к которым автор относит правовые модели: юридические конструкции, юридическую терминологию и легальные дефиниции риска.

Ключевые слова: публичное право, публично-правовое регулирование, риск в общественных отношениях, традиционные и новые риски, управление риском, компенсация рисков, ситуации риска, публично-правовые конструкции риска, рисковая терминология, легальные дефиниции риска в публичном праве.

Mamchun Vladimir V.

**RISK IN PUBLIC LAW:
ONTOLOGICAL BASES AND FORMS OF THEIR REFLECTION**

Abstract. Article offered to the reader opens the author's series of publications dedicated to risk in public law. It addresses the risks of social facts, speakers rise publicly, as well as form their reflection in public law, which the author relates the legal model: legal structures, legal terminology and legal definition of risk.

Key words: public law, public and legal regulation, public relations risk, traditional and new risks, risk management, risk compensation, risk public-legal structures of risk, risk terminology, legal definition of risk in public law.

Буквальная трактовка тезиса, вынесенного в заглавие настоящей работы, способна спровоцировать ошибочное мнение о том, что о риске в публичном праве можно вести речь только в случаях использования законодателем слова «риск» при конструировании нормы, регулирующей соответствующую социальную ситуацию.

Между тем не вызывает сомнения, что рискованная проблематика в публичном праве выходит далеко за рамки фактов использования этого термина в нормах. Представляется, что ее основными гранями, в которых преломляются взаимосвязи публичного права и риска, являются следующие. Во-пер-

вых, риск – это социальный факт, лежащий в основании публичного права. Во-вторых, право есть реакция на этот факт, выраженная прямо или латентно в соответствующих моделях, используемых для юридического познания и нормативно-правового регулирования ситуаций риска как факта общественной жизни в юридических конструкциях, терминологии и легальных дефинициях. В-третьих, риск характеризует процесс и результат влияния различных социально-юридических факторов на реализацию норм публичного права, выступая критерием их эффективности и социальной адекватности, которые следует принимать во внимание в процессах

их создания, толкования, применения и непосредственной реализации. И, наконец, в-четвертых, риск составляет объект исследовательского интереса юридической доктрины, выраженный в различных научно-теоретических конструкциях риска, рассматривающих его с разных предметно-методологических позиций, обусловленных спецификой закономерностей риска в соответствующей отрасли публичного права.

Рассмотрим каждую из этих граней подробнее.

1. Риск как социальный факт, будучи закономерным порождением социальной динамики, представляет собой феномен общественной жизни – обстоятельство/совокупность обстоятельств, являющихся потенциально вредоносными для общества и порождающих определенные правовые последствия. Он имманентен человеческой деятельности и составляет существенную сторону взаимодействия различных социальных субъектов, начиная с отдельного человека и заканчивая человеческими сообществами и государствами. Риск возникает под воздействием различных факторов (природных, социальных, политических, экономических, психологических, технических и др.), привносящих в общественные отношения неопределенность, стихийность, нестабильность, дезорганизацию. Следствием этого является возникновение особых социальных ситуаций, сопряженных с вероятностями причинения вреда и иных неблагоприятных последствий, так называемых ситуаций риска¹.

Важнейшим и действенным средством их разрешения становится пра-

¹ Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 18–19.

во. Собственно, публично-правовое регулирование является реакцией общества на возникновение рисков в общественной жизни, а риск – одним из его онтологических (бытийных) оснований и одновременно элементом предмета правового регулирования. Право и есть главное последствие социального риска, вызванное им к жизни. Идею обусловленности права риском в 20-е гг. прошлого столетия обосновал советский теоретик права и цивилист Я. М. Магазинер, писавший, что: «...право предоставляет, умножает или создает не только положительные блага, но и блага отрицательные, т.е. борется с многочисленными опасностями, которые этим благам угрожают. Поэтому наряду с возможностью блага, т.е. интересом, необходимо выдвинуть и изучить понятие возможности зла, т.е. риска. Возможность эта, возросшая до степени вероятности зла, становится опасностью, а дойдя до грани неизбежности, т.е. необходимости зла, отвердевает, как реальность зла»².

Именно в этой «возможности зла» им видится исторически и логически исходная точка права, которой является не столько возможности блага, предоставляемые правом, сколько те бесчисленные возможности зла, с которыми борется право³. Поэтому право является тем инструментом, используя который, общество и государство управляет рисками, предупреждая их возникновение, минимизируя их вредные последствия, «распыляет» риски, перераспределяя их между членами общества, обществом, государством

² Магазинер Я. М. Заметки о праве // Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А. К. Краснов. СПб., 2006. С. 318.

³ Там же.

и иными социальными институтами, компенсирует их последствия определенным категориям людей.

При этом, однако, следует специально оговориться о том, что риск является отнюдь не единственным основанием публичного права, поскольку далеко не вся общественная жизнь складывается из рисков. Риск – это только определенная сторона социальной действительности, характеризующая такое сочетание неопределенности, случайности, вероятности, альтернативности в развитии ситуации, которое несет потенциальную угрозу интересам, охраняемым правом, и, собственно, его взаимосвязь с публичным правом ограничивается тем, что Я. М. Магазинер очень точно назвал «борьбой права с бесчисленными возможностями зла». Причем эта борьба публичного права с риском ведется в той части, в которой против него оказываются бессильны иные социальные регуляторы, включая обычаи, религию, мораль и др.

Рассматривая публичное право как инструмент управления риском следует указать на ряд принципиальных моментов, которые следует учитывать при рассмотрении риска как социального факта, порождающего правовые последствия и прежде всего само право.

Во-первых, это характер тех социальных интересов, которые выражает и защищает публичное право. Публично-правовые интересы – это интересы надиндивидуальные, надклассовые, выходящие за рамки определенных этнических и национальных групп, отдельных организаций и сообществ внутри государства, охватывающие при этом различные сферы общественной жизни: экономику, политику, культуру, социальную, экологическую сферы.

Поэтому потребность в компенсации этих рисков¹ составляет суть самого публично-правового интереса.

Во-вторых, публично-правовая защита от рисков обеспечивает эти интересы постольку, поскольку «борьба» публичного права с рисками, ведущаяся государством посредством публично-правового регулирования, обеспечивает компенсацию рисков, производимых обществом.

В-третьих, публичное право отражает социальные риски на разных уровнях и в различных масштабах. Для того чтобы урегулировать ситуации риска, купировать факторы, его порождающие, локализовать, минимизировать и компенсировать их вредные последствия, право должно адекватно отражать их с тем, чтобы защитить общество от риска. Это отражение выражается в создании закрепляемых нормами права моделей оптимального взаимодействия субъектов права в ситуациях риска, сводящих к минимуму его вредные последствия как для отдельного индивида, так и для общества в целом. Формами такого отражения в публичном праве выступают юридические конструкции, терминология, легальные дефиниции. Более подробно речь о них пойдет ниже, но в качестве предварительного замечания необходимо указать на то, что их виды, содержание, конструктивные

¹ В настоящей работе термин «компенсация рисков» предлагается использовать для обозначения понятия, охватывающего все формы публично-правового воздействия на риск, включающего и предупреждение, предотвращение, минимизацию, «распыление» и перераспределение негативных последствий, максимизацию позитивных исходов, и другие, а не только формы возмещения убытков и компенсации материального и морального вреда.

особенности, специфика и степень интенсивности использования законодателем обусловлены состоянием общественных отношений и той ролью, которую в них играет риск. Здесь важно обратить внимание на то, что конструкции риска различаются степенью артикуляции, проявленности связи рисков как социальных фактов с соответствующими правовыми средствами, правами, обязанностями, ограничениями, стимулами, правовыми режимами, ответственностью и другими, используемыми для их компенсации. Кроме того, поскольку сами риски различаются масштабом, охватом своими последствиями общественных отношений, то в публичном праве они находят свое отражение не только на уровне отдельной правовой нормы, но и на уровне институтов и даже отраслей законодательства.

Риск в общественной жизни носит конкретно-исторический характер и его проявления не только многочисленны, но и весьма разнообразны. Каждый этап общественного развития порождает новые риски, которые сочетаются с уже традиционными для той или иной эпохи или со «старыми рисками».

Традиционные риски – это риски доиндустриального и индустриального общества. Таковыми являются военные конфликты, голод, болезни, старость, безработица, стихийные бедствия, пожары, издержки и аварии при эксплуатации транспорта, сооружений, промышленных объектов, криминальные риски и др.

Публичное право в советский период достаточно успешно компенсировало традиционные риски в разных областях общественной жизни, используя для этого различные правовые конструк-

ции, как, например, конструкция государственного планирования народного хозяйства в экономике, конструкции «пенсионное обеспечение», «здравоохранение», «народное образование» в социальной сфере, «всеобщая воинская повинность/обязанность» в военной сфере, «государственно-правовая охрана социалистической собственности» в правоохранительной сфере и др.

Новый импульс развитию рисков в обществе и одновременно модификации и развитию публично-правовых форм их отражения дало изменение социально-экономического уклада постсоветского общества и коренное реформирование экономической, политической и правовой систем. Вместе с капитализмом в общественных отношениях возникают риски, присущие капиталистическому обществу, которые в советский период публичное право полностью компенсировало, например, риски политической стабильности, риски безработицы, инфляционные риски, риски социального неравенства, маргинализации и др.

Это, в свою очередь, повлекло необходимость модификации «традиционных» конструкций риска, используемых советским публичным правом, а также разработку новых для отечественной правовой системы, таких как, например, «правовое государство», «разделение ветвей власти», «социальное государство», «социальная защита», «обязательное медицинское страхование». Дальнейшее развитие капитализма в России, сопровождаемое ростом экономической и политической нестабильности, социальной напряженности, усугубляемое глобализационными процессами, вызвали к жизни такие новые риски, как риск межнациональных и во-

енных конфликтов, риски сепаратизма, террористические, коррупционные риски и др.

В целом переход к постиндустриальному обществу привел к возникновению целого комплекса новых рисков – экологических, техногенных, социальных, медицинских, информационных, правовых и др. Источником риска выступают новые производства, технологии, правовое регулирование и пр. Парадоксально, но даже развитие знания о риске стало производить новые риски.

Современное общество – это общество риска, общество в котором, по словам У. Бека, «логика» производства рисков стала доминировать над «логикой» производства богатств¹. Это общество, «производящее» рисков больше, чем способно компенсировать. Примерами такого «производства» рисков в последние десятилетия являются, например, «чеченские войны», террористические акты в ряде городов России, захваты заложников на Дубровке, в Беслане, авария на Саяно-Шушенской ГЭС, трагедия Крымска, лесные пожары и наводнения в ряде регионов страны. Сегодня риск присутствует не только в политике, экономике или военной сфере. Ему подвержена повседневная жизнь людей, в которой они, наряду с традиционными рисками, требующими публично-правового реагирования, например, криминальными или дорожно-транспортными рисками, сталкиваются с рисками, порождёнными современным этапом социально-экономического развития: с «коммунальными катастрофами», с рисками долевого строительства,

потребительскими рисками, рисками фальсификата, «микrokредитного мошенничества» и др.

Качественно новое состояние рисков в обществе обусловило необходимость соответствующей реакции публичного права, что выразилось в активном использовании в различных его отраслях новых конструкций риска, используемых для его компенсации.

2. Формы отражения риска в публичном праве. Говоря о формах отражения риска в публичном праве, следует отметить, что понятием «публичное право» охватываются различные стороны его бытия.

В исходном, категориальном смысле публичное право выступает системой отраслей, нормы которых выражают публичные интересы, регулируя риски, которые этим интересам угрожают. Вместе с тем норма права представляет собой сложное и многоаспектное явление. В ней соединены различные стороны – интеллектуальная и волевая, логическая и языковая, социальная и техническая. Объединяя их, она выступает в конечном итоге моделью регулируемых публичным правом отношений. Эта модель, с одной стороны, является результатом юридического конструирования, а с другой – средством, используемым для конструирования общественных отношений на более высоком уровне правовой системы. В связи с этим в рамках настоящей работы представляется необходимым выйти за пределы узкотехнической трактовки юридической конструкции как средства создания отдельной юридической нормы. В этом смысле о юридических конструкциях риска допустимо говорить как о моделях нормативно-правовой регламентации рисков, как о построениях

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000. С. 14.

нормативного материала, отражающих связи рисков в качестве социальных фактов с определенными правовыми средствами и соответствующими социально-правовыми последствиями, которые обеспечивают оптимальную и максимально эффективную компенсацию рисков в обществе.

Публично-правовые конструкции риска весьма разнообразны. Прежде всего, различается степень охвата регулируемых рисков. Регулирование может осуществляться как на микро-, так и на макроуровнях, сообразно чему следует выделять микро- и макроконструкции риска. Микроуровень – это уровень отдельной нормы, регулирующей одно общественное отношение (отдельную ситуацию риска). В этом случае юридическая конструкция риска используется для построения нормы, например, норма об обоснованном риске в уголовном праве.

Макроуровневые конструкции создаются из норм, посредством которых выстраиваются более или менее масштабные регулятивные модели риска, например, публично-правовые режимы: государственной границы, военного положения, контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации, таможенный режим или комплексные правовые средства, например, техническое регулирование.

Особое внимание следует обратить на специфику построения конструкций риска, обусловленную характером проявления связи риска как онтологического основания с соответствующими правовыми средствами и последствиями. В данном случае можно выделить две основные разновидности: неартикулированные и артикулированные. Определённым методологическим ори-

ентиром для их выделения может быть идея, высказанная, правда, по отношению к риску в гражданском праве, но, думается, применимая и в области публичного. Известный цивилист В. И. Серебровский писал, что «в большинстве случаев идея риска, лежащая в основании гражданско-правовых отношений, не получает, однако, в положительном праве своего внешнего выражения. Но при достаточном анализе эта идея легко обнаруживается в ряде норм (право собственности, залог, добросовестное владение, различные договоры, отношения семейного и наследственного права, институт бумаг на предъявителя и т.д.)»¹.

Действительно, в ряде случаев, когда законодатель не оперирует термином «риск» при создании норм, само понятие риска как отражение сочетания неопределенности и вероятного воздействия вредоносных факторов на общественные отношения присутствует в «снятом» виде, подразумевается и выявляется при более внимательном взгляде на соответствующую юридическую конструкцию. Так, конструкция режима контртеррористической операции подразумевает в качестве бытийного основания риск террористического акта, конструкция социального государства – социальные риски, конструкция правового государства – политические. В связи с этим конструкции, характеризуемые неявно выраженной связью риска с правовыми средствами, их компенсирующими, представляется целесообразным рассматривать в качестве неартикулированных. В свою очередь конструкции, в которых связь с риском не просто подразумевается, а выражена одно-

¹ *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003.

значно путем использования соответствующей терминологии, логично рассматривать как артикулированные.

В зависимости от «специализации» конструкции риска можно разделить: на универсальные (общие) и специальные. Универсальная конструкция обеспечивает компенсацию нескольких видов риска. Так, закрепленная в Федеральном законе от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» конструкция «обеспечение безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта»¹ направлена на предотвращение транспортных происшествий и снижение риска причинения вреда жизни или здоровью граждан, вреда окружающей среде, имуществу физических или юридических лиц. Соответственно, она позволяет компенсировать различные виды риска: риски для жизни, здоровья, экологические, имущественные риски, – и носит универсальный характер.

Наряду с этим, в публичном праве используются конструкции риска, обеспечивающие компенсацию отдельных его видов, например, конструкция управления процентным риском².

Значительный интерес для характеристики конструкций риска в публичном праве представляет их назначение. По этому основанию можно выделить как минимум три основные разновидности:

¹ О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 17-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2, ст. 169.

² О международных подходах (стандартах) организации управления процентным риском : письмо Банка России от 2 окт. 2007 г. № 15-1-3-6/3995. Документ опубликован не был. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

ности: превентивные, распределительные и стимулирующие.

Цель, стоящая перед превентивными конструкциями, заключается в создании правовых условий, препятствующих возникновению рисков в общественных отношениях или минимизирующих их. К их числу, например, можно отнести конструкции пожарного риска³, недопустимого риска⁴, системы управления рисками⁵, неоправданного риска⁶ и др.

Распределительные конструкции используются для перераспределения рисков между различными субъектами публичного права путем переложения их последствий с одних субъектов на других. Таковы конструкции обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний⁷

³ О пожарной безопасности : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35, ст. 3649.

⁴ О техническом регулировании : федер. закон от 27 дек. 2002 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 52. (Ч. 1), ст. 5140; Технический регламент о безопасности зданий : федер. закон от 30 дек. 2009 г. № 384-ФЗ // Там же. 2010. № 1, ст. 5.

⁵ Гл. 50 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Документ опубликован не был. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О милиции : закон Рос. Федерации от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 16, ст. 503 ; О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

⁷ Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федер. закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3803.

и обязательного медицинского страхования¹, социальной защиты пострадавших² и др.

Стимулирующие конструкции риска – это, как правило, специальные артикулированные конструкции, предназначенные для поощрения социально активного поведения субъектов права в ситуациях риска. В случае, когда последствиями рискованного поведения субъекта (при условии соблюдения требований правомерности риска) стало причинение вреда правоохраняемым интересам, лицо освобождается от юридической ответственности.

В основе таких конструкций лежит факт признания того, что риск – это явление, обладающее не только безусловной отрицательной полезностью, и наряду с социально вредным риском существует социально полезный, социально необходимый, социально оправданный риск. В ряде случаев риск – это единственно возможный способ решений социально значимых задач, единственно возможный способ деятельности в условиях неопределенности.

К числу таких конструкций социально полезного риска можно отнести уже упоминавшиеся конструкции обоснованного риска в ст. 41 УК РФ, ст. 28.3 Федерального закона «О статусе военнослужащих»³, обоснованного

риска в научной и (или) научно-технической деятельности⁴ или конструкцию оправданного служебного риска военнослужащего⁵.

Помимо юридических конструкций, риск в публичном праве находит свое отражение в юридической терминологии, с помощью которой создаются нормы, регламентирующие ситуации риска. Термин представляет собой слово или (как правило) словосочетание, обозначающее соответствующее конкретное понятие риска. Понятие – логическая модель, фиксирующая существенные черты риска – явления общественной жизни, ввне выражается в соответствующем термине, который, следовательно, и является именем соответствующего понятия.

В законодательстве, содержащем нормы публичного права, используются разные термины, создаваемые с использованием слова «риск»: «риск совершения клиентом операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма»⁶, «пожарный риск», «допустимый пожарный риск», «индивидуальный по-

¹ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : федер. закон от 29 нояб. 2010 г. № 326-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 49, ст. 6422.

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35, ст. 3648.

³ О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331.

⁴ О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137.

⁵ О материальной ответственности военнослужащих : федер. закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3682.

⁶ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33, ч. I, ст. 3418; Ч. 2, ст. 7.

жарный риск»¹, «риск гибели людей в результате воздействия опасных факторов»², «риск утраты (гибели) или частичной утраты сельскохозяйственной продукции»³, «риск причинения вреда здоровью человека от использования пищевых продуктов, материалов и изделий»⁴ и др.

Одни из них могут быть отнесены к общеупотребительным, например, используемый в Федеральном законе «О рекламе» термин «основанные на риске игры, пари»⁵ или применявшийся в законе РФ «О милиции» термин «неоправданный риск» (ст. 14, 15).

Другие, а их подавляющее большинство, относятся к специальным неюридическим терминам: экономическим, медицинским, техническим и пр. Например, термины: «кредитный риск», «валютный риск», «процентный риск», «финансовый риск» в Федеральном законе «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁶, «риск потенциально вредного воздействия генно-инженерной деятельности на человека и окружающую среду»

¹ Технический регламент о требованиях пожарной безопасности : федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 30. (ч. 1), ст. 3579.

² Там же, ч. 2, ст. 79.

³ О развитии сельского хозяйства : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 264-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 27.

⁴ О качестве и безопасности пищевых продуктов : федер. закон от 22 янв. 2000 г. № 29-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2, ч. 1, ст. 150; Ч. 2, ст. 79.

⁵ О рекламе : федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232.

⁶ О центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790.

в ст. 7 Федерального закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»⁷, приведенный выше термин «пожарный риск» и др.

В последнее время в законодательстве достаточно активно используются и специальные юридические термины риска, например, термин «несение риска наступления последствий совершения или несовершения процессуальных действий», содержащийся в ст. 9 АПК РФ, термин «обоснованный риск», примененный в ст. 41 УК РФ и в ряде других нормативных-правовых актов, термины «террористический риск», «стратегический риск», использованные в Стратегии национальной безопасности 2009 г.⁸ и др.

Еще одной формой отражения риска как явления общественной жизни в публичном праве выступают легальные дефиниции риска⁹. Легальная дефиниция риска представляет собой разновидность явных определений, используемых в законодательстве. Они, в отличие от так называемых контекстуальных определений риска (случаев использования термина «риск»

⁷ О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : федер. закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28, ст. 3348.

⁸ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утв. указом Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. 537: с изм., внес. Указом Президента Рос. Федерации от 1 июля 2014 г. № 483. Документ утратил силу с 31 декабря 2015 г. в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

⁹ Мамчун В. В. О понятиях и определениях риска в юридической доктрине и законодательстве // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2010. № 1(14). С. 100–109.

в разных контекстах, позволяющих в определённой мере судить о содержании понятий, обозначаемых термином), описывают входящие в предмет публично-правового регулирования социальные явления, имеющие юридическое значение через соответствующие терминологические эквиваленты. При этом следует принимать во внимание то, что в легальных дефинициях законодатель использует разные виды определений: реальные и номинальные, что влечет за собой использование разных логико-вербальных эквивалентов. Задачей реального определения является максимально полное описание понятия риска, отражающего соответствующий социальный факт, с которым связываются определенные правовые последствия. В этом случае наиболее распространённым эквивалентом слова «риск» в соответствующих терминологических конструкциях является слово «вероятность».

Так, в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в числе основных понятий содержится дефиниция: «экологический риск – вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера»¹. Схожее определение закреплено в ст. 2 Федерального закона «О техническом регулировании», где риск трактуется как, «вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государствен-

ному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда»².

Наряду с этим, при создании легальных дефиниций риска в публичном праве используются и номинальные определения. Специфика последних заключается в том, что они не являются определениями-объяснениями, а представляет собой определения-требования. Их задача, в отличие от реальных определений, состоит не в том, чтобы полно описать существенные признаки определяемого понятия, а закрепить, зафиксировать определенные объем и содержание конкретного понятия постольку, поскольку это необходимо для достижения целей правового регулирования в рамках того или иного нормативного правового акта.

Примерами номинальных определений риска могут служить дефиниции, содержащиеся: в ст. 3 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования», определяющая понятие социального страхового риска («предполагаемое событие, влекущее изменение материального и (или) социального положения работающих граждан и иных категорий граждан, в случае наступления которого осуществляется обязательное социальное страхование»³); в ст. 8 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (страховым риском «для целей настоящего Федерального закона признается

¹ Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133.

² О техническом регулировании : федер. закон от 27 дек. 2002 г. № 184-ФЗ.

³ Об основах обязательного социального страхования : федер. закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3686.

утрата застрахованным лицом заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица) или другого дохода в связи с наступлением страхового случая»¹); в Федеральном законе «О безопасности гидротехнических сооружений», определяющая допустимый уровень риска аварии гидротехнического сооружения².

Необходимо заметить, что далеко не всегда при оперировании терминологическими конструкциями и дефинициями риска в нормах публичного права выдерживаются требования юридической техники и, в частности, требования единообразия понимания, последовательности, непротиворечивости использования терминологии. Так, включение в число основных понятий, используемых для целей определённого закона, легальной дефиниции понятия «риск» предполагает, что во всех остальных случаях использование в этом же законе терминологии, конструируемой посредством применения данного слова, должно быть согласовано с тем смыслом, который раскрывает дефиниция. Как свидетельствует практика, это требование не всегда соблюдается и в ряде случаев можно наблюдать разность и несогласованность терминологии в рамках одного нормативного правового акта. Показательным в этом отношении является Федеральный закон «О техническом регулировании». В ст. 2, закрепляющей основные понятия, содержится определение риска

для целей этого закона: «вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда». Дальнейший анализ текста обнаруживает варианты использования термина «риск» без дефинирования понятий, ими обозначаемых, однако, как показывает изучение их контекста, отличающихся по содержанию от понятия, раскрываемого в дефиниции. В ст. 7 используется термин «фактический научно обоснованный риск», в ст. 11 обнаруживается «риск возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а ст. 23 содержит термин «риск недостижения целей технических регламентов». Как видно, различия в значениях используемых терминов и их несогласованность с легальной дефиницией обнаруживаются даже при поверхностном анализе текста.

В целом, характеризуя рисковую терминологию в публичном праве, нужно указать на то, что ее существенными чертами являются множественность и разнообразие терминологических конструкций риска. Это, с одной стороны, объясняется множественностью рисков, регулируемых разными отраслями публичного права, различиями в их качестве, роли и масштабе, удельном весе в предмете регулирования и т.п., с другой стороны, связано с проблемами доктринального и практического характера, в частности, с несоответствующей масштабу проблем риска в публичном праве степенью разработанности рискованной проблематики в юридической науке и явно недоста-

¹ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федер. закон от 15 дек. 2001 г. № 167-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4832.

² О безопасности гидротехнических сооружений : федер. закон от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3589.

точной востребованностью положений правовой доктрины (в том числе и в об-

ласти публично-правовых аспектов риска) правотворческой практикой.

Библиографический список:

1. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. – М. : Мысль, 1989. – 187 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс Традиция, 2000. – 384 с.
3. Магазинер Я. М. Заметки о праве / Я. М. Магазинер // Избранные труды по общей теории права ; отв. ред. А. К. Краснов. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 350 с.
4. Мамчун В. В. О понятиях и определениях риска в юридической доктрине и законодательстве / В. В. Мамчун // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2010. – № 1(14). – С. 100–109.
5. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский ; науч. ред. В. С. Ем. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2003. – 558 с.

References

1. Al'gin A. P. Risk and Its Role in public Life. M., My'sl', 1989. 187 p.
2. Bek W. Risk Society. On the Way to Another Modernity. M., Progress Tradiciya, 2000. 384 p.
3. Magaziner Ya. M. Notes on the Right. *Selected Works of General Theory of Law*. Ed. by A. K. Krasnov. SPb, Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij Centr Press», 2006. 350 p.
4. Mamchun V. V. The Concepts and Definitions of Risk in Legal Doctrine and Legislation. *Vestnik Vladimirskego Yuridicheskogo Instituta*. 2010. No. 1(14). P. 100–109.
5. Serebrovskij V. I. *Selected Papers on Succession and Insurance Law*. Sci. ed. V. S. Em. 2nd ed., rev. M., Statut, 2003. 558 p.

Шумов Пётр Владимирович

**ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ АВТОРСКОГО ПРАВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления института авторского права. Рассматривается данный институт на его различных стадиях развития, а также процесс достижения баланса соотношения общественных и частных интересов в авторском праве.

Ключевые слова: авторское право, сфера интеллектуальной собственности, общественные и частные интересы, демократическое общество.

Shumov Petr V.

**LEGAL RESTRICTIONS ON THE EXCLUSION OF COPYRIGHT:
THE HISTORICAL ASPECT**

Abstract. The article deals with the process of formation of the institute of copyright. We consider this institution in its various stages of development. the process of achieving a balance ratio of public and private interests in copyright law are also being studied.

Key words: copyright, intellectual property, public and private interests, democratic society.

Основополагающим принципом правового регулирования сферы интеллектуальной собственности является принцип соотношения общественных и частных интересов, наиболее актуальной задачей становятся достижение и обеспечение баланса общественных и частных интересов в авторском праве, ведь в процессе использования творческих произведений тесно переплетаются интересы авторов с интересами общества. Прямое закрепление данного принципа в законодательстве Российской Федерации отсутствует, соответственно, реализация принципа соотношения общественных и частных интересов вызывает значительные пробелы в практическом применении. Для решения проблем, связанных с практической реализацией принципа соотношения об-

щественных и частных интересов, необходимы осмысление и изучение исторического становления и развития данного принципа в качестве основополагающего. Известный российский юрист-цивилист Д. И. Мейер отмечал, что в каждой науке существует своя историческая сторона, современные юридические воззрения – это лишь результат всей предшествовавшей юридической жизни².

Как известно, в связи с историческим развитием общество подвергается различным изменениям в социальной, экономической, политической и культурной сферах, что не может не отразиться и на правовых отношениях, а следовательно, на разных этапах развития общества и соотношение общественных и частных интересов было различным по объему

и содержанию. Авторское право России не является исключением.

Первые правовые положения, косвенно закрепляющие баланс общественных и частных интересов в авторском праве, нашли отражения в Цензурном уставе (далее: Устав) императора Николая I в 1828 г. Спустя некоторое время в Устав был добавлен новый раздел, получивший название «О сочинителях и издателях книг». Параграф 135 Устава определил срок обладания исключительным правом на авторское произведение в течение всей жизни и 25 лет после смерти. Нужно отметить, что в Уставе специально указывалось следующее: по истечении названного срока произведение становится собственностью публики, что в современном понимании соответствует переходу в общественное достояние. Однако также были закреплены механизмы, призванные охранять и защищать права авторов: параграф 25 закреплял положение о том, что издание книги без соблюдения правил Устава лишает автора права на произведение.

Дальнейшее развитие принципа соотношения общественных и частных интересов в авторском праве получило после издания Гражданских законов в 1887 г., где постановления об авторском праве были перенесены из Устава в т. X ч. I Свода Законов как Приложение к статье 420 и оставались там вплоть до 1900 г. Следовательно, указанное Приложение, как и Устав, охраняло имущественные интересы авторов настолько это допустимо было с точки зрения цензуры. Примером может служить ст. 21 Приложения, в которой устанавливалось, как и в параграфе 25 Устава, что лицо,

напечатавшее книгу без соблюдения правила Устава, лишается права на нее. Таким образом, можно сделать вывод о том, что критерием соотношения общественных и частных интересов была цензура, установленная государством, в зависимости от которой достигался баланс указанного соотношения.

Следующим значимым периодом в становлении рассматриваемого принципа в авторском праве нужно назвать советский период. В 1917 г. были приняты декреты новыми государственными органами – СНК и ЦИК. Декреты были в первую очередь ориентированы на установление государственной монополизации на произведения науки, литературы и искусства. Примером может служить декрет от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием», который объявлял произведения многих писателей и композиторов собственностью государства. Следовательно, такие декреты обусловили перевес баланса соотношения общественных и частных интересов в сторону государства, т. е. общества. Советский период становления указанного принципа можно условно разделить на два этапа.

Первый этап приходится на 1920–1960-е гг. В это время были приняты Основы авторского права от 16 мая 1928 г. (далее: Основы). Законодатель в ст. 4 Основ перечисляет большой перечень положений, которые не считаются нарушением авторского права, таким образом сдвигая баланс интересов в сторону общества. Особый интерес вызывает последняя ст. 20 Основ, согласно которой авторское право на любое произведение может быть выкуплено в принуди-

тельном порядке Правительством СССР либо правительством союзной республики, где было выпущено произведение или хранятся рукописи, эскизы и иные объективные формы. Следовательно, в совокупности вышеизложенное свидетельствует о том, что принцип соотношения общественных и частных интересов продолжает законодательно оформляться в сторону государства, а значит, в сторону общества, ущемляя права авторов.

Второй этап охватывает 1960–1980-е гг., когда были приняты базовые нормативные акты в области гражданского законодательства, а именно Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., разд. IV которого был посвящен авторскому праву. Законодатель расширяет перечень авторских прав и объектов, более детально регламентирует договорные отношения, а также устанавливает минимальные ставки вознаграждения авторов за использование их произведений. В то же время, по-прежнему фиксируются правомочие государства выкупить любое произведение автора или его правопреемников, а также публичное исполнение опубликованных произведений, их перевод, создание новых произведений на основе существующих.

Таким образом, советский период сдвигает баланс принципа соотношения общественных и частных интересов в авторском праве в сторону государства, чем значительно ограничивает права авторов.

Дальнейшее развитие принципа соотношения общественных и частных интересов в авторском праве происходит уже в новом государстве, образованном после распада СССР – Российской Федерации. Новой

ступенью развития авторского права становится принятие Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993 г. № 5351-1. Характерно, что в целом этот закон имел рыночную направленность: с его введением значительно уменьшились возможности свободного использования произведений с целью удовлетворения общественных интересов, соответственно, расширился объем правомочий авторов и правообладателей, возросла роль гражданско-правового договора в регулировании отношений по использованию произведений.

Заключительным этапом развития принципа соотношения общественных и частных интересов в авторском праве приходится на 1 января 2008 г., когда вступает в действие IV часть Гражданского кодекса РФ, отражающая современные тенденции развития в сфере интеллектуальной собственности в целом. Его ст. 1229 об исключительном праве косвенно закрепляет данный принцип. Анализ этой статьи позволяет прийти к выводу, что, с одной стороны, законодатель предоставляет автору монополию по распоряжению его произведением, а с другой стороны, ограничивает его права в интересах общества, указывая, что ограничения возможны только установленными положениями законодательства. Вместе с тем авторское право, как и право интеллектуальной собственности в целом, продолжает оставаться динамично развивающейся правовой областью. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 2009 г. была разработана Концепция развития гражданского законодательства РФ, которая включает в себя разд. VII законодательства о правах на результаты интеллекту-

альной деятельности и средства индивидуализации (интеллектуальных правах)». Наиболее значимые моменты в ней обозначены в области авторского права и связаны с расширением ограничений авторских прав в общественных интересах. Это также подтверждается ежегодным внесением изменений в область авторского права. Примером может служить внесение изменений в 2014 г. в п. 2 статьи 1274 о расширении полномочий библиотек по предоставлению произведений обществу. В то же время законодатель ограничивает использование произведений, предоставляемых библиотеками, в целях извлечения прибыли, воспроизведение в формате, не предусмотренном указанным пунктом. Другой пример – это внесение изменений в п. 3 ст. 1274 о сурдопереводе, тифлокомментировании произведений автора без выплаты вознаграждений в целях облегчения восприятия лица-

ми с ограниченными возможностями. Вышеуказанные примеры подтверждают факт того, что законодатель стремится достигнуть баланса в соотношении общественных и частных интересов.

Подводя итоги, можно отметить, что достижение баланса соотношения общественных и частных интересов в авторском праве – достаточно сложная и многогранная тема. Определение разумных границ этой монополии на протяжении веков являлось одной из главных проблем авторского права. В настоящее время уже никто не утверждает, что авторы должны иметь неограниченный контроль за использованием своих произведений. Законы демократического общества не только гарантируют охрану интеллектуальной собственности, но и закрепляют право членов общества на участие в культурной жизни и пользование достижениями культуры.

Библиографический список

1. Березина Е. А. Способы защиты авторских прав в законодательстве XIX века: историко-сравнительный анализ / Е. А. Березина // Ломоносов 2011 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума ; отв. ред. А. И. Андреев [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2011.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 2 / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 1997. – 455 с.
3. Пряников Н. С. Закон Российской империи «об авторском праве» 1911 года как законодательный акт об интеллектуальной собственности в России / Н. С. Пряников // Юрид. наука и практика : вестн. Нижегор. акад. МВД России. – 2011. – № 1(14). – С. 389–391.

References

1. Berezina E. A. Methods of Copyright Protection in the Legislation of the XIX Century: a Historical and Comparative Analysis. *Lomonosov 2011*. Ed. by A. I. Andreyev, A. V. Andriyanov, Ye. A. Antipov, M. V. Chistyakova. M., MAKS Press, 2011.
2. Mejer D. I. Civil Law. In 2 pt. Pt. 2. M., Statut, 1997. 455 p.
3. Pryanikov N. S. The Law of the Russian Empire "On Copyright" of 1911 as a Legislative Act on Intellectual Property in Russia. *Yuridicheskaya Nauka i Praktika*. 2011. No. 1(14). P. 389–391.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 347.168

Стрельцов Роман Сергеевич,
Пылаева Александра Сергеевна

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ОЦЕНЩИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье исследуются функционирование института профессионального оценщика в Российской Федерации, проблемы регулирования оценочной деятельности в Российской Федерации и опыт регулирования оценочной деятельности в США.

Ключевые слова: оценщик, саморегулируемые организации, рыночная стоимость, профессиональная деятельность, правовое регулирование.

Strel'czov Roman S.,
Pylaeva Alexandra S.

LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF THE APPRAISER AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The article examines the functioning of the institute of a professional appraiser in the Russian Federation, problems in the regulation of valuation activities in the Russian Federation and experience in the regulation of valuation activities in the United States.

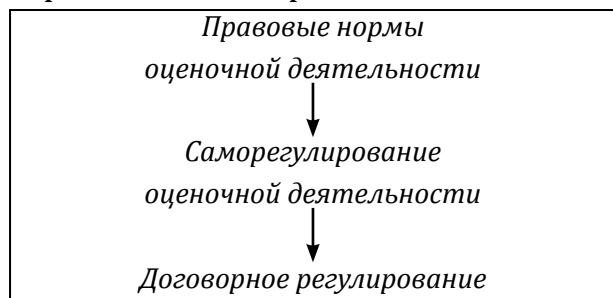
Key words: appraiser, self-regulatory organizations, market value, professional activity, legal regulation.

В России недавно произошел процесс трансформации методов и принципов регулирования отдельных отраслей экономики, а именно оценочной деятельности, аудита, деятельности менеджеров и т.д. Альтернативный путь государственного регулирования этих отраслей экономики возложен на законодательный уровень, такой как саморегулирование. Однако уникального решения в вопросах, которые касаются правового регулирования этих отраслей экономики, до сих пор не найдено.

Таблица 1
Этапы развития оценочной деятельности
в Российской Федерации

Этап развития	Описание развития оценочной деятельности
1-й этап	С начала 1883 г. – создание оценочной деятельности и механизма оценки в целях налогообложения. С 1883 г. до 1917 г. – переоценка недвижимости.
2-й этап	С 1917 по 1991 г. – оценочная деятельность прекратила свое существование из-за перехода к центрально-плановой экономике. С 1991 по 2006 г. – установление оценочной деятельности в современной России введение рыночных отношений, лицензирование оценочной деятельности.
3-й этап	С 2006 г. по настоящее время, саморегулирование оценочной деятельности.

Саморегулирование как средство правового регулирования в России не ново и используется в правовом регулировании юристов и нотариусов, которые могут быть отнесены согласно принятой правовой доктрине к правоохранительным органам.

Уровни правового регулирования оценочной деятельности

Особенности изменений заключаются в передаче определенных регулирующих и контролирующих функций в сектора экономики от федерального органа регулирования до негосударственных саморегулируемых организаций и формирование механизма обеспечения надлежащего осуществления ряда регулирующих и контролирующих функций неправительственных организаций.

Система саморегулирования в промышленно развитых странах уже давно существует во многих сферах общественной жизни. Она развивалась и существовала параллельно с государственным регулированием хозяйственной деятельности. Такое преобразование законодательства затрагивает все области права в России, но в большей степени оно повлияло на гражданское право.

Потребность в международной сопоставимости оценочных отчетов возрастает не только в связи с развитием международных инвестиционных

фондов, но и с повышенной мобильностью частного капитала. Одним из проявлений этих процессов выступает стремление к разработке и принятию единых стандартов оценочной деятельности, например в рамках единой Европы. Однако имеющиеся результаты этой деятельности оцениваются большинством экспертов скептически.

На современном этапе развития института оценки возникают проблемы, которые препятствуют единому и эффективному рынку оценочных услуг. Они проявляются:

- в обновлении законодательства об оценочной деятельности в связи с изменениями в системе регулирования, вступлением России в международное экономическое сообщество;

- разъяснении норм законодательства по вопросам независимой оценки для обеспечения полноты и согласованности законодательства о независимой профессиональной оценке.

Учитывая ситуацию в 2017 году в Российской Федерации, насчитывалось около 22 тыс. оценщиков – участников 16 саморегулируемых организаций, из которых 80% осуществляют профессиональную оценку на договорной основе с юридическими лицами¹.

Основным регулирующим нормативно-правовым актом является Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»².

Главной особенностью профессиональной деятельности бизнеса

¹ ТПП РФ: количество оценщиков в России может сократиться на 70 процентов // Новые изв. 2017. 11 июля.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3813.

является то, что стоимость услуг определяется путем расчета времени, затраченного на оказание услуг, а не путем рыночных категорий «спроса» и «предложения», согласования ценообразования и временных затрат с государственными органами, которые осуществляют контроль за указанной деятельностью.

В отличие от граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя, гражданин занимается профессиональной деятельностью в форме частной практики, он может также заниматься такой деятельностью в качестве работника по трудовому договору. Иными словами, регулирование профессиональной деятельности носит смещенный характер.

На данный момент можно выделить следующие спорные вопросы в регулировании правового статуса оценщика профессиональной деятельности.

Во-первых, речь идет о регулировании работы оценщиков по трудовому договору. Договор на оценку заключает юридическое лицо, и оно, соответственно, несет ответственность за договорные обязательства. Оценку осуществляет оценщик – физическое лицо, которое несет ответственность перед клиентом и третьими лицами за проведение данной оценки, и он также обязан застраховать свою ответственность. В этом случае оценщик имеет договорные отношения только с юридическим лицом.

Получается, что ответственность оценщика даже перед клиентом исходит из факта оценки, т.е. является неконтрактной, а договор на оценку имеет смысл только в том случае, если юридическое лицо могло взять на себя

дополнительную ответственность за обязанности оценщика.

Во-вторых, эти специальные вопросы исключают возможность использования положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности юридических лиц за действия своих сотрудников по этим делам. На основании общей ст. 402 Гражданского кодекса Российской Федерации действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника. Должник несет ответственность за действия в том случае, если они повлекли неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

В отношении обязательств по возмещению ущерба ст. 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает такой же подход. Согласно ей юридическое лицо возмещает ущерб, причиненный его работником при выполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. При этом работники признаются гражданами, выполняющими работу по трудовому договору (контракту), а также граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым договорам, если они действовали или должны были действовать по заданию юридического лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ.

Следует также отметить, что оценщик может быть привлечен к гражданской ответственности и дисциплинарной ответственности за нарушение законодательства об оценочной деятельности при составлении отчета об оценке со стороны саморегулируемой организации оценщиков в соответствии со ст. 24.4 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Россий-

ской Федерации», а также со стороны работодателя, вплоть до расторжения работодателем трудового договора в случаях, предусмотренных ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации.

Оценщик, работающий по трудовому договору, может стать зависимым от работодателя, интерес которого – прибыль, а не профессиональная деятельность. Указанный конфликт интересов может быть разрешен в процессе разделения полномочий и привлечения оценщика к дисциплинарной ответственности саморегулируемой организацией и работодателем. В этом случае работодатель имеет основания для привлечения работника к дисциплинарной ответственности.

С учетом вышесказанного в плане регулирования данного сектора экономики в нашей стране полезно обратиться к международному опыту.

Основным регулятором оценочной деятельности на международном уровне является Международный комитет по стандартам оценки (далее: Комитет). Он был учрежден Королевским институтом дипломированных оценщиков, Американским обществом оценщиков, профессиональными организациями из Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Индии и Канады в 1981 г. Впоследствии к Комитету присоединилось также большинство Европейской ассоциации оценщиков (далее: Ассоциация).

Главная цель комитета – осознание профессиональными организациями оценщиков задач, стоящих при оценке имущества. Для этого эти организации должны состоять из достаточного числа членов, способных квалифицированно провести такую оценку.

К задачам Комитета относятся: формулировка и публикация в общественных интересах Международных стандартов оценки (далее: Стандарты)) и практических рекомендаций по процедурам оценки имущества, а также их распространение в мировом масштабе; корректировка Стандартов с учетом мнений разных стран и выявление, по мере их возникновения, различий в формулировках стандартов и их применении; признание Стандартов оценки в международной бухгалтерской и другой финансовой отчетности.

Организации-члены сообщают Комитету обо всех существенных различиях между их национальными и международными стандартами для последующего ознакомления с ними мирового сообщества. Оценщики, безусловно, обязаны действовать на законном основании и подчиняться всем законам и инструкциям, принятым там, где они практикуют.

Организации-члены МКСОИ взаимодействуют с контрольными и регулирующими органами, с общественными и с общественно-профессиональными ассоциациями для обеспечения соответствия проводимых оценок Стандартам и рекомендациям МКСОИ. Вместе с тем организации-члены призваны проводить в своих государствах образовательную и консультативную работу в области стандартов оценки имущества.

Система единых стандартов оценки стоимости представляет собой комплекс взаимосвязанных стандартов, устанавливающих положения, правила и требования, обеспечивающие нормативное, методическое и организационное единство при определении стоимости имущества, представлении услуг по его оценке, а также при взаи-

модействии участников оценочной деятельности¹.

На данный момент в каждой европейской стране, которая является членом Комитета или Ассоциации, существуют национальные нормативные режимы оценки. В этом случае регулирование оценочной деятельности в США отличается, например, от регулирования оценки в Великобритании или Германии.

Государственное регулирование оценочной деятельности в США организуется как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов. На основании Закона о реформе финансовых учреждений и о восстановлении их деятельности, принятого Конгрессом в 1989 г., полномочия по регулированию оценочной деятельности на федеральном уровне возложены на Фонд оценки. Был также создан Подкомитет по оценке, который отвечает за соблюдение законодательства об оценке.

Фонд оценки США – это национальное профессиональное объединение, охватывающее тринадцать общественных саморегулируемых организаций в сфере оценки стоимости активов. Основной функцией Фонда оценки является разработка и опубликование, разъяснение и дополнение Единых стандартов профессиональной практики оценки, предназначенных для практикующих оценщиков и потребителей оценочных услуг. Стандарты используют также федеральные и региональные государственные и частные организации. Фонд оценки

на постоянной основе ежегодно осуществляет дополнения и пояснения к этим стандартам. Они носят обязательный характер для практикующих оценщиков в США. Фонд оценки ежегодно публикует эти стандарты и в них прослеживаются все изменения, прошедшие за год.

В состав Единых стандартов профессиональной практики оценки входят:

- определения, в которых приводятся основные профессиональные термины;

- преамбула, в которой формулируются цель, сфера применения, краткое изложение основных стандартов оценки;

- стандарты оценки (их 10 в настоящее время);

- объяснения оценочных стандартов, в которых даются пояснения по стандартам оценки;

- консультативные заключения, в которых излагаются условия применимости стандартов оценки в конкретных ситуациях;

Единые стандарты оценки разрабатываются с учетом мнения оценщиков и потребителей оценочных услуг.

Таким образом, завершая статью, можно сделать вывод, что процесс глобализации влияет на правовое развитие оценочной деятельности в Российской Федерации: обновление законодательства в области оценочной деятельности, изменениями в системе регулирования, правилами соответствующего законодательства, регулирующего вопросы независимой оценки, является уточнением для обеспечения полноты и соответствия законодательства о независимой профессиональной оценке.

¹ Федотова М. А., Перская В. В., Григорьев В. В. Стандарты оценочной деятельности: зарубежный опыт // Экон. стратегии. 2016. № 8(142). С. 146–151.

Библиографический список

1. ТПП РФ: количество оценщиков в России может сократиться на 70 процентов // Новые изв. 2017. 11 июля.

2. Федотова М. А. Стандарты оценочной деятельности: зарубежный опыт / М. А. Федотова, В. В. Перская, В. В. Григорьев // Экон. стратегии. – 2016. – № 8(142). – С. 146–151.

References

1. RF CCI: the Number of Appraisers in Russia May be Reduced by 70 Percent. *Novy'e izvestiya*. 2017. July 11.

2. Fedotova M. A., Perskaya V. V., Grigor'ev V. V. Standards of appraisal activity: international experience. *Ekonomicheskie Strategii*. 2016. No. 8(142). P. 146–151.

Цветкова Елена Владимировна

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о задержании лица по подозрению в совершении преступления, сравнивается с понятием фактического задержания лица и сроках задержания в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: задержание, сроки, фактическое задержание, уголовное дело, подозреваемый.

Czvetkova Elena V.

SOME ASPECT OF THE DETENTION OF A SUSPECT IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article deals with the question of detaining a person on suspicion of committing a crime, compared with the concept of actual detention of a person and the terms of detention in criminal proceedings.

Key words: detention, terms, actual detention, criminal case, suspect.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к мерам процессуального принуждения относится задержание подозреваемого. При этом правом задержания лица в качестве подозреваемого наделена только сторона обвинения. И. Я. Фойницкий, рассматривая возможность применения мер принуждения, видел их назначение в помощи правосудию¹.

В ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» сформулировано понятие задержания. Это адекватная позиция законодателя, который тем самым решил устранить или, по крайней мере, минимизировать проблемы, которые будут возникать (и возникают) во время применения данной процедуры.

Вместе с тем уже само понятие ввиду своей неопределенности и раскре-

доточенности по различным пунктам вызвало сложности как теоретического, так и практического плана.

Напомним, что в п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого определено как мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Поскольку в данном определении содержится еще один термин – «фактическое задержание лица», что также потребовало дополнительного законодательного разъяснения. В п. 15 ст. 5 УПК РФ указано, что «момент фактического задержания представляет собой момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

© Цветкова Е. В., 2017

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 314.

Однако четкое определение данной меры процессуального принуждения отсутствует. В ст. 5 УПК РФ в качестве синонимов используются два понятия – «подозреваемый» и «лицо, подозреваемое в совершении преступления». В гл. 12 УПК РФ во всех статьях применен термин «задержание подозреваемого». Вместе с тем подозреваемый – это лицо, в отношении которого было совершено одно из действий, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ, в том числе лицо, которое уже задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. Налицо своеобразный «логический круг»: задерживается подозреваемый, но лицо становится подозреваемым в результате задержания.

Таким образом, исходя из буквы закона, «задержание подозреваемого» может иметь место лишь в тех ситуациях, когда лицо ранее приобрело статус подозреваемого по другому основанию, установленному в ч. 1 ст. 46 УПК РФ (в отношении его было возбуждено уголовное дело, применена мера пресечения до предъявления обвинения и др.). Обычно же задерживается либо свидетель, либо лицо, которое на данный момент не имеет никакого процессуального статуса. Кроме того, могут иметь место ситуации, когда задерживается обвиняемый (если впоследствии в отношении его будет разрешаться вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу)¹.

Не определено и понятие «фактическое задержание». Несомненно, зако-

¹ *Гриненко А. В.* Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // Журн. рос. права. 2005. № 3. С. 96–99.

нодатель, используя данный термин, имел в виду практику большинства иностранных государств, а также положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Исходя из общепризнанной мировой практики, лицо считается задержанным с того момента, когда оно утратило возможность свободно передвигаться и заниматься своими делами. Если оно было лишено указанной возможности, это знаменует начало задержания лица независимо от того, был ли составлен соответствующий протокол.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством общий срок задержания составляет 48 часов. По постановлению судьи этот срок может быть продлен еще на 72 часа. В результате максимальный срок задержания может составлять 120 часов, или 5 суток.

Из правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие продление срока задержания, не противоречат конституционно закрепленным требованиям². Часть 2 ст. 22 Конституции РФ не исключает того, что суд вправе продлить срок задержания в связи с отложением принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. По мнению Конституционного Суда

² По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности УПК РФ в целом и его отдельных положений, а также Федерального закона «О введении в действие УПК РФ»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 6 марта 2003 г. № 44-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ, неопределенность в этом вопросе отсутствует, поскольку решение о продлении срока задержания в соответствии с УПК РФ 2001 г. принимает суд.

Не случайно в Конституции РФ предусмотрен 48-часовой срок задержания. Ключевое значение при применении задержания приобретает личное усмотрение следователя или дознавателя. К моменту задержания в большинстве случаев подозрение окончательно не сформулировано. В ходе последующего расследования выдвинутое вначале подозрение подлежит уточнению, конкретизации с учетом собранных доказательств и дополнительно установленных обстоятельств; возникшее в период задержания подозрение впоследствии может быть изменено. Для задержания подозреваемого не требуется той достоверности, которая необходима, например, для вынесения обвинительного приговора¹.

Однако российская действительность такова, что между фактическим задержанием (захватом) лица и его доставлением в орган предварительного расследования может пройти определенный промежуток времени, который уменьшает 48-часовой срок задержания. В этой связи практика задержания пошла по тому пути, что указанный срок начинает исчисляться не с момента фактического лишения лица свободы передвижения, а с момента доставления лица к следователю или дознавателю, причем момент такого

доставления и стал называться «моментом фактического задержания»².

Однако это отнюдь не устраняет важной проблемы – каким образом отражать в протоколе обстоятельства задержания с их привязкой к пространству и времени? Особенно актуален данный вопрос в случаях, когда лицо было задержано во время совершения преступления или сразу же после его совершения, поскольку обстоятельства задержания одновременно образуют объективную сторону состава преступления. Таким образом, лицо подозревается в совершении преступления и фактически лишается свободы передвижения, что в соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ называется фактическим задержанием.

Вариант исчисления сроков задержания с момента доставления лица к следователю или орган дознания, несмотря на то, что он фактически воспринят правоприменителем за правило, идет вразрез с позицией Конституционного Суда РФ, международно-правовыми принципами и, по сути, направлен на легализацию повсеместных нарушений процессуального порядка задержания, особенно если фактическое задержание и доставление лица происходит на стадии возбуждения уголовного дела. Принятие точки зрения сторонников о непроцессуальном характере деятельности по фактическому задержанию и доставлению в орган дознания означает необходимость руководствоваться

¹ Гольцов А. Т. Сроки задержания в российском уголовном судопроизводстве // Актуальн. проблемы рос. права. 2015. № 8(57). С. 166–172.

² Гриненко А. В. Задержание в состязательном уголовном процессе // Б-ка криминалиста. 2015. № 6(23). С. 51–56.

правовыми нормами других отраслей права¹.

В соответствии с дополнениями в ст. 92 УПК РФ, внесенными в нее Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ: «В случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его

¹ *Ряполова Я. П.* Задержание лица по подозрению в совершении преступления в стадии возбуждения уголовного дела: современный взгляд на проблемы уголовно-процессуальной регламентации // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Серия «История и право». 2017. Т. 7, № 4(25). С. 106–112.

Библиографический список

1. *Гольцов А. Т.* Сроки задержания в российском уголовном судопроизводстве / А. Т. Гольцов // Актуальн. проблемы рос. права. – 2015. – № 8(57). – С. 166–172.
2. *Гриненко А. В.* Задержание в состязательном уголовном процессе / А. В. Гриненко // Б-ка криминалиста. – 2015. – № 6 (23). – С. 51–56.
3. *Гриненко А. В.* Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными / А. В. Гриненко // Журн. рос. права. – 2005. – № 3. – С. 96–99.
4. *Ряполова Я. П.* Задержание лица по подозрению в совершении преступления в стадии возбуждения уголовного дела: современный взгляд на проблемы уголовно-процессуальной регламентации / Я. П. Ряполова // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Серия «История и право». – 2017. – Т. 7. – № 4(25). – С. 106–112.
5. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. В 2 т. Т. 2. – СПб. : Альфа, 1996. – 552 с.

участие в составлении протокола задержания обязательно».

В связи с этим для обеспечения прав лица в момент его задержания следует на законодательном уровне объединить понятия, закрепленные в п. 11 и 15 ст. 5 УПК РФ, конкретизировав при этом сам момент фактического задержания лица и отделив его от процедуры задержания в уголовно-процессуальном порядке².

² *Гриненко А. В.* Задержание в состязательном уголовном процессе .

References

1. *Gol'czov A. T.* The Terms of Detention in the Russian Criminal Proceedings. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2015. No. 8(57). P. 166–172.
2. *Grinenko A. V.* Detention in the Adversary Criminal Procedure. *Biblioteka Kriminalista*. 2015. No. 6(23). P. 51–56.
3. *Grinenko A. V.* Detention and Imprisonment Should not Only be Lawful and Justified, but Also Motivated. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2005. No. 3. P. 96–99.
4. *Ryapolova Ya. P.* Detention of a Person on Suspicion of Committing a Crime at the Stage of Initiating a Criminal Case: a Modern View on the Problems of Criminal Procedure Regulation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Istoriya i pravo»*. 2017. Vol. 7. No. 4(25). P. 106–112.
5. *Fojnitsij I. Ya.* Course of Criminal Proceedings. In 2 vol. Vol. 2. SPb., Al'fa., 1996. 552 p.

Шумова Кристина Александровна

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИАТОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕДИАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Аннотация. В статье автор приходит к выводу, что введение обязательного страхования гражданско-правовой ответственности медиаторов в настоящее время не представляется целесообразным, так как для этого отсутствуют прежде всего социальные предпосылки. В обществе еще не сформировалась потребность в обязательном страховании ответственности медиаторов, являющаяся следствием сложившейся массовой практики их привлечения к ответственности.

Ключевые слова: медиация, медиатор, страхование, гражданско-правовая ответственность.

Shumova Kristina A.

RESPONSIBILITY OF THE MEDIATOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE MEDIAL PROCEDURE

Abstract. In the article the author comes to the conclusion that introduction of compulsory insurance of civil liability of mediators at the present time does not seem to be expedient, since for this purpose there are no social prerequisites foremost. The society has not yet formed the need for compulsory insurance of mediators' liability, which is a consequence of the prevailing mass practice of bringing them to justice.

Key words: mediation, mediator, insurance, civil liability.

Актуальность обозначенного вопроса в названии статьи не вызывает сомнений. В свете предпринимаемых попыток оптимизировать медиативный процесс в РФ видится необходимым обратиться к проблеме гражданско-правовой ответственности медиатора и ее страхования как некоей гарантии для участников медиативной процедуры.

В существующем в РФ Законе о медиации² не дается полного перечня норм, в которых подробно регламентируется деятельность медиатора во время проведения процедуры медиации

и нарушение которых влекло бы ответственность посредника. В нем лишь отдельно упоминается ответственность за разглашение конфиденциальной информации, ставшей известной медиатору во время медиапроцесса, не принимая во внимание возможность злоупотребления медиатором своего положения.

Рассматривая вопрос о страховании гражданско-правовой ответственности медиатора, в первую очередь следует определить границы ответственности медиатора. Так, по общему правилу, медиатор не может нести ответственность в случае, если согласие не было достигнуто, за содержание договоренности в случае достижения согласия, контроль за соблюдением договоренности и какие-либо правовые споры, возникающие в результате этого. Стороны полностью контролируют

© Шумова К.А., 2017

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 июля.

процесс принятия решения об урегулировании спора и условия разрешения конфликта. В иных ситуациях применение мер ответственности в отношении медиатора возможно.

Необходимо отметить, что в основе взаимоотношений медиатора и сторон медиации лежат гражданско-правовые отношения.

Во-первых, этот вывод основан на том, что медиация осуществляется на добровольной основе и ни одна из сторон не имеет процедурных преимуществ. Данные принципы корреспондируются с основными началами гражданского законодательства, изложенными в ст. 1 ГК РФ.

Во-вторых, пока медиатор не согласится на проведение медиации на определенных условиях, у него нет обязанности ее проводить, и никто не в силах его к этому принудить. Обращение к медиатору представляет из себя оферту для заключения договора (ст. 435 ГК РФ). Такой договор может и не состояться, если не последует акцепт (ст. 438 ГК РФ). Медиатор может отказаться реагировать на обращение либо ответить отрицательно. В силу обращения за совершением медиaproцедур и положительным ответом либо при совершении конклюдентных действий (ст. 158 ГК РФ) между медиатором (соответствующей организацией) и лицами, обратившимися за совершением медиaproцедур, возникают договорные отношения (если даже они не оформлены единым документом).

В-третьих, ст. 17 Закона о медиации предусматривает возможность использования мер гражданско-правовой ответственности медиаторов и организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процеду-

ры медиации, за вред, причиненный сторонам вследствие осуществления этой деятельности. Как видим, в приведенной норме фактически идет речь о разновидности общегражданской деликтной ответственности за причинение вреда охраняемым законом интересам стороны спора. При такой редакции Закона о медиации возможными правонарушениями со стороны медиаторов, повлекшими причинение вреда, могут быть признаны как специальные «профессиональные» проступки (разглашение медиатором конфиденциальной информации, ставшей ему известной при проведении примирительной процедуры, или нарушение медиатором принципа беспристрастности и независимости от сторон спора), так и любые другие правонарушения (например, мошенничество).

И, в-четвертых, сложившаяся практика подтверждает, что участники процедуры медиации часто заключают договоры об оказании медиативных услуг с осуществлением соответствующей оплаты медиатору как фактическому исполнителю, что в полной мере соответствует правоотношениям, урегулированным гл. 39 ГК РФ «Договор возмездного оказания услуг».

Отсутствие оплаты медиатору не влияет на гражданско-правовую природу отношений между медиатором и сторонами, так как правовое регулирование безвозмездного оказания услуг в этом случае осуществляется в рамках действующего гражданского законодательства и на него распространяются общие нормы ГК РФ об обязательствах и сделках.

Таким образом, признание гражданско-правовой природы вышеуказанных отношений позволяет прийти

к выводу, что основанием гражданско-правовой ответственности медиатора может быть как договор, так и общие основания деликтной (вне договорной) ответственности (гл. 59 ГК РФ). Соответственно, в зависимости от основания привлечения к гражданско-правовой ответственности могут применять соответствующие формы ответственности – возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ), уплата неустойки (ст. 330 ГК РФ).

Одним из распространенных случаев привлечения к ответственности является нарушение медиатором принципа конфиденциальности. Это вытекает из особого значения конфиденциальности для процедуры медиации. Отношения между медиатором и сторонами носят лично-доверительный характер.

Данный принцип закреплен на законодательном уровне в ст. 3, 5 Закона о медиации, в которых зафиксировано, что медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон. Истребование от медиатора и от организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, информации, относящейся к процедуре медиации, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином. Гарантией соблюдения данного принципа является свидетельский иммунитет, закрепленный в императивной форме законодателем в ГПК РФ.

Тем не менее на текущем этапе развития института медиации в России преждевременно говорить о нарабо-

танной практике привлечения медиаторов к ответственности на основании норм Закона о медиации.

Между тем без отлаженного механизма привлечения медиаторов к ответственности за вред, причиненный ими при осуществлении своей профессиональной деятельности, невозможно выработать четкие и экономически обоснованные правила страхования риска наступления такой ответственности. Страхуемые риски должны быть понятными и просчитываемыми, а их страхование должно стать насущной необходимостью, вытекающей из особенностей этого вида деятельности, прежде всего для самих представителей профессионального сообщества медиаторов.

С нашей точки зрения, введение обязательного страхования гражданско-правовой ответственности медиаторов в настоящее время не представляется целесообразным, так как для этого отсутствуют в первую очередь социальные предпосылки. В обществе еще не сформировалась потребность в обязательном страховании ответственности медиаторов, являющаяся следствием сложившейся массовой практики их привлечения к ответственности. В ее отсутствие введение обязательного страхования превратится в еще одну систему принудительных платежей в пользу страховых компаний, взимаемых в конечном счете со сторон соответствующего спора, но не предоставит последним какие-либо реальные гарантии возмещения возможного вреда, причиненного медиатором.

В то же время добровольное страхование медиатором ответственности следует признать полезным, так как оно

поможет апробировать условия данного вида страхования ответственности на практике, а сам факт наличия у медиатора страхового полиса, безусловно, будет способствовать доверию сторон,

желающих прибегнуть к медиативному способу урегулирования конфликта, в свою очередь популяризируя медиацию в сознании отечественных правоприменителей.

Библиографический список

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Рос. газ. – 2010. – 30 июля.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46, ст. 4532.

References

1. On an Alternative Procedure for the Settlement of Disputes with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure). Federal Law of July 27, 2010. No. 193-FZ. *Rossiyskaya gazeta*. 2010. July 30.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law of Nov. 14, 2002 No. 138-FZ. Adopted by the State Duma of Oct. 23, 2002. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2002. No. 46, art. 4532.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелин Николай Максимович,
доцент кафедры
Государственное право и управление
таможенной деятельностью
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ,
Генеральный директор
ООО «Серебряный ключ» г. Владимир
кандидат юридических наук
e-mail: nikolayamelin@yandex.ru

Медкова Вероника Алексеевна,
бакалавр юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ,
помощник юриста
в ООО «Серебряный ключ» г. Владимир
e-mail: nika.medkova@yandex.ru

Стрельцов Роман Сергеевич,
доцент кафедры ФПиТД
юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат экономических наук
e-mail: roman-streltsov@yandex.ru

Пылаева Александра Сергеевна,
студент группы ТМД-114
юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
e-mail: Ladysashka16@gmail.com

Цветкова Елена Владимировна,
доцент кафедры
«Уголовно-правовые дисциплины»
юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
e-mail: cvetkova-e@mail.ru

Шумов Петр Владимирович,
доцент кафедры гражданского права
и процесса
юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
e-mail: pshumov@gmail.com

Amelin Nikolay M.,
State Law and Management customs activity
Law Institute
them. M. M. Speransky University,
General Director
of OOO "Serebryany Klyuch", Vladimir
PhD (Law), Associate Professor

Medkova Veronika A.,
Bachelor of Law Institute
them. M. M. Speransky University,
Assistant to the lawyer
in LLC "Serebryany Klyuch", Vladimir

Strel'tcov Roman S.,
State Law and Management
customs activity Law Institute
them. M. M. Speransky University
PhD (Economy)

Py`laeva Alexandra S.,
student group TMD-114
Law Institute
them. M. M. Speransky University

Tsvetkova Elena V.,
associate professor of "Criminal Law"
Law Institute
them. M. M. Speransky University
PhD (Law)

Shumov Petr V.,
Associate Professor of Civil Law and Process
Law Institute
them. M. M. Speransky University
PhD (Law)

Шумова Кристина Александровна,
доцент кафедры гражданского права
и процесса юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
e-mail: kristinashumov@yandex.ru

Shumova Kristina A.,
Associate Professor of Civil Law and Process
Law Institute
them. M. M. Speransky University
PhD (Law)